

#

Подобна свету

Галина Аляева

#фэнтэзи

16+

Галина Андреевна Аляева

Подобна свету

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64336331
Подобна свету: Союз писателей; Новокузнецк; 2017
ISBN 978-5-00073-684-5

Аннотация

В стародавние времена, когда на северных землях обитали славянские племена, приглашает своего читателя Галина Аляева на страницах книги «Подобна свету». Зависели тогда люди от прихотей природы, боялись болезней, лечить которые было некому и нечем, проводили свои непонятные ритуалы, которые показались бы дикостью любому современнику, и видели смысл бытия в продолжении своего рода. Были у них и любовь, и семейные ценности. Хранили их сердца верность. Жила в душах память о былом. Но, главное, любой северянин, будь то мужчина, женщина, ребенок или седой старец, был бойцом. И сражаться приходилось не только с внешним врагом, но и с голодом, неурожаем, недугами. Но «сила северян – в единстве». Так еще предки говаривали. Пришла пора проверить, так ли это на самом деле.

Содержание

Глава I	5
Боярский род	5
Лютый	22
Злой бог	40
Лесной люд	52
Выгодная дружба	70
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Галина Аляева

Подобна свету

© Аляева Г. А., 2017

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2017

* * *

Может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова под именем венедов известные на восточных берегах моря Балтийского, Славяне в то же время обитали и внутри России; может быть, Андрофаги, Меланхлены, Невры Геродотовы принадлежали к их племенам многочисленным. Самые древние жители Дакии, Геты, покоренные Траяном, могли быть нашими предками...

Н.М. Карамзин «Предание веков»

Глава I

Боярский род

В тот год весна не спешила занять престол власти. На дворе березозол¹ месяц, а лошадь, ступив на рыхлый снег, проваливается по брюхо. Пять месяцев свирепствуют морозы, загоняя людей и скотину в теплые жилища. Такой холодной зимы и снежной весны старцы не помнят. Они неделями не выходят на улицу, кровь не та – не гоняется по уставшему телу, – лишь вздыхают и рукавом нательной холщовой рубахи смахивают капельки слез с полуслепых глаз.

В Боярском городище седовласых старцев осталось трое. Два лета назад неведомая болезнь покосила много северян, особенно не жалела детей и стариков. Малые угасали за два-три дня, старики мучились долго, и никакой отвар, никакое снадобье знахарки Кривоzubой не помогали. Болезнь не местная, завезённая. Тем и страшна, не знает Кривоzubая, чем изгоняется из болящего.

Глава городища Нахаб схоронил двух детей: дочь и сына. О дочери печаль была скорой – не впервой ему терять де-

¹ *Березозол* – славянское название апреля. «Березозол» означало «зол для берез», потому что в эту пору, заготавливая сладкий березовый сок, наносили березкам глубокие раны.

тей, да и не мужское дело печалиться. Смерть же сына подкосила под корень. Не стало единственного наследника, и Боярское городище, когда Нахаб соберётся на Калинов мост², перейдёт под власть другого рода.

Главенство Нахаб получил от своего отца, тот – от своего, и так – до могучего телом и умом Бояра. Много вёсен назад он властной рукой объединил вокруг себя беспризорных северян, в совете с мудрыми старцами, их всегда почитали, установил порядки и хитростью, а когда надо, и ласкою поддерживал устои совместного прожиданимирия.

Те соплеменники, которые не хотели подчиняться новым законам, жили прежней жизнью – сами по себе. Лишь в походы против степного народа собирались во главе с воеводой, по решению старцев временно выбранного на почётное место. По возвращении разбредались по своим хижинам, где каждый себе был и хозяином, и добытчиком, и заступником от врагов, которых у северян всегда было предостаточно. Один лесной народ чего стоит! От этого гибли северяне десятками, иной раз – сотнями, и, как ни спешили северянки рожать детей, каждый год по ребёнку, не множилось племя.

В юности Бояр жил, как все. С отцом ходил на охоту, весной пахал землю, сеял гречиху и просо. За свои пятнадцать вёсен успел сходить с родичами в поход против степняков. В ночь на праздник Лады³ привёз и сбросил у порога выкра-

² *Калинов мост* – у славян мост, соединяющий мир живых и мир мёртвых.

³ *Праздник Лады* – у древних славян-язычников: богиня домашнего очага и

денную неподалеку северянку и с этого дня обзавёлся своей хижинкой.

Жену приглядел работающую, лицом ладную. Не зря звали Ясной. Она рожала детей каждый год и быстро старилась, но не приводил он в дом вторую жену. На укоры соседских мужиков, что, мол, силёнок маловато сразу двух употчевать, лишь усмехался в бороду. Присох он к Ясной, и она отвечала ему взаимностью. И не о том он постоянно думал. Боле-ла его душа, разрывалась на части. Он видел что народ се-верянский трудолюбивый, смелый, выносливый, и в храбрости равных ему нет, а живёт бедно, голодно. Враги беспощадно уничтожают северянских воинов, детей и женщин пленяют, уводят с собой, и никто из них назад не возвращается.

Думал он, думал и, однажды придя к своему кровному брату Шатуну, предложил охотиться и обрабатывать землю вместе.

– Это как так? Совместно?

– Вот так. – Рассказал Бояр брату всё по порядку, пове-дал, какая выгода будет каждому роду в отдельности и всем северянам вместе.

Долго разговаривали, не один зимний вечерок просидели за мёдом. Пользу в объединении Шатун сразу уловил, а как нажитое добро делить без обиды, в толк взять не мог. Бояр

любви Лада. 8-9 сентября по старому стилю (или 22 сентября по новому), в праздник осеннего солнцестояния заканчивается ежегодный цикл прославления богини Лады.

и смеялся над ним, и ругал его, и уговаривал. Под конец говорит:

– Наши хижины рядом стоят. Давай их одним частоколом обнесём. Получатся общий двор, общий амбар, ледник и стол. И ничего делить не нужно. Наперво так будем, потом еще что испробуем.

На том и решили – как снег долой, жить сообща, помогая друг другу.

Ждать выгоды от такого сожительства пришлось недолго. Боярский род крепнул и множился. Другие семейства сначала только приглядывались, как дела пойдут у хитрецов, потом стали поговаривать:

– Гляди, вот Бояр да Шатун сколько зверья-то припасли на зиму и дрёвен из лесу натаскали. Собираются избу бревенчатую ладить. Правильно. Чего в хижине-то жить?!

Пришло время, и Девян, один из глав рода, что жил неподалеку от боярского двора, пришёл с поклоном к Бояру и попросился к нему за один частокол. Через несколько вёсен в первом северянском городище, который так и стал называться Боярский, насчитывалось до двадцати хозяйств.

Другие семейства, глядя на удачу Бояра, сговаривались, обносили частоколом строения. Старейший зажиточного рода или хитрый да умный северянин становился во главе всего городища или веси⁴, если по числу жителей до городища не дотягивало. Так год за годом и стало городищ и весей по

⁴ *Весь* – древнерусское название деревни.

всей северянской земле не счесть.

* * *

Нахаб гордился своим предком, да и как не гордиться! Могуч был Бояр душой и телом. Не боялся врагов, всегда впереди шёл, не прятался. Одной рукой мог положить двух степняков. Иной медведь, и тот в поединке ему неравный. И лицом ладный, многие северянки заглядывались, даже когда на охоте его медведь лапой зацепил, и след от когтей по лбу прошел. Левой брови не видно было совсем, и веко в полную силу не открывалось.

Много новшеств ввел Бояр в полудикие обычаи. Откуда только ум брался? Видно, сами северянские боги шептали на ухо, как лучше неразумному человеку поступить. Взять хотя бы обычай – убивать младенцев-девочек. Столько времени прошло, а иногда и сейчас ползет, словно гадина пронырливая, молва от дома к дому – срок дитю на свет явиться, а ребёночка всё нет и нет. Оправдываются, мол, умер, но никто не верит, знают, что обычай тот дикий в некоторых головах жив.

Тот год, как сказывают предания, был голодный. Предыдущий тоже урожаем не радовал. Из младенцев в живых оставляли только мальчиков. Девка что? Какой с неё спрос? И выживают они чаще и болеют меньше. Малец – он воин. Сами голодайте, а дитё мужеского пола должны сохранить. В

племени каждый воин на учёте. Из северянок тоже выходили неплохие воины, только степняки побаивались их. За беспощадность. Бывало, смилуется северянин над раненым, не убьёт, оставит лежать в поле, спасется, значит, судьба, нет – не на него смерть ляжет. Бывало, по доброте своей и здорового отпускал. Северянка же никогда не оставит врага в живых – раненого добьёт, пленного убьёт. Видно, крепко усвоила: враг – это смерть и её, и детей, с таким трудом производимых на свет.

Ждала жена Бояра пятнадцатого ребёнка. Ходила тяжело, из последних сил. Прошлый раз еле выходила знахарка, думали, всё – конец, но ничего, отошла, через зиму опять отяжелела. Понимал Бояр – пожалуйть жену требуется, не брюхатить, а как против природы пойдёшь? Выход один – привести в дом вторую – молодую и здоровую. Ясной пока супруг не говорил о принятом решении, понимал, что обидно ей будет, – всё ж двадцать вёсен рука в руку прожили. Да что делать – он телом ещё молод и до телесных утех охоч. А сердечную привязанность к Ясной никто отнять не сможет.

Только Бояр вернулся с охоты, как бабка-знахарка вынесла из избы кричащий комочек.

– Разрешилась твоя. Прими. Девочка. Или глядеть не будешь?

– Почему не буду? Погляжу.

Он взял дитё, внимательно посмотрел на сморщенное синюшное личико дочери.

– Ясная что говорит?

– Ничего. Тебе решать. Давно таких родов не принимала, – добавила она неведомо для чего. Не принято говорить о таком с северянином.

– Сказываешь, тяжело? – призадумался Бояр. В семье девять детей. Пятеро не доживут и до десяти лет. Останется четверо. Молодая жена, как в дом взойдет, пустой вряд ли ходить будет. Но то другие дети, не Ясной.

– Как она?

– Прошлый раз плоха была, а сейчас... – знахарка протяжно вздохнула и отвернулась.

– Бабка, а ты с ними что делаешь? Куда деваешь? – младенец перестал плакать и, уткнувшись носиком в руку Бояра, еле слышно засопел. – Поговаривают, из них ты зелье варишь.

– Давай, что ли?! – знахарка, злобно дыша, протянула к новорожденной сухие руки.

– Погодь. Не решил я.

– Что решать? Никто в эту весну девок не оставляет.

– Не жалко тебе их?

– Заладил: жалко, не жалко, – знахарка мягко дернула холст с младенцем к себе. Девочка пискляво заплакала.

– Почему не нужно? Чадо всегда нужно. – Бояр прижал дочь к груди. – Для этого мы и живем. Ты вот рассуди: она вырастет, сколько мальцов и девок нарожает? На сколько наш род умножит?

– На сколько твоя Ясная умножила? На столько и она умножит, ежели повезет, то и на больше.

– Вот то-то. На больше. Как думаешь, бабка, что родичи скажут, если я нарушу обычай предков?

– Что скажут? Что скажут? То и скажут. Сам голова. Ты столько раз его нарушал, что пальцев не хватит. Ну, решил, что ли? Мне к Глуну идти надо. У него жена тоже рожать собралась. Прибегали уже, звали.

– Раз звали – иди. А с дитём? – Бояр ласково взглянул на дочь. – Пора, бабка, с этим покончить. Нечего род уменьшать.

– Как так?

– Иди. Теперь не будут в нашем роду чадо малое жизни лишать. Нечего чудить. Всем скажи. Поняла? Иди.

Глаза знахарки потеплели, старческое сморщенное, как у младенца, лицо словно разгладилось. Она понятиливо кивнула, низко поклонилась и так стояла некоторое время. Когда же грузно разогнулась, Бояр на серых щеках женщины увидел слезинку.

– Спасибо тебе, Бояр, – она вновь до земли поклонилась. – За слова твои, пуще – за дело. Знал бы ты, как это тяжело, – она развернулась и быстро засеменила прочь.

– Стой, – приказал Бояр.

Она, вздрогнув, остановилась: неужели передумал?

– Если у Глуна девчонка родится, дай знать. Поняла?

– Поняла, поняла.

Бояр вошел в женскую половину дома, в полумрак и смрад. Запах проникал в ноздри, вызывая недобрые воспоминания. Кровь и пот, – так пахнет после кровопролитной схватки. Правда, этот запах витает в воздухе недолго, до первого глубокого, во всю грудь вздоха, здесь же он завис над распростертой в углу на широкой лавке Ясной, впитываясь в стены, утварь, одежду.

– Бояр, – еле слышно позвала Ясная, – открой дверь, пусти свежего воздуха.

– Нечего, охватит еще.

«Ах, женушка ты моя любимая, – надрывно подумал Бояр. – Боишься, что чад для меня тяжел?! Мне боль твою лучше не видеть».

Когда глаза привыкли к полутемноте, он рассмотрел осунувшееся, почти черное с синим отливом лицо жены. Большие, небесного цвета глаза светились нездоровым блеском. Она же не могла оторвать взгляда от рук мужа.

– Бояр.

– Ну?

– Бояр.

– Заладила. Решил я так. Что, не рада?

– Как же? Рада! Только...

– Ей что, много надо? Ничего, проживем.

Он осторожно положил девочку рядом с матерью. Неуклюже погладил жену по щеке и сам застеснялся своей ласки.

– Пойду я. Позвать кого?

– Не надо. Я немного полежу, да вставать буду.

– Лежи, – приказал он, – нечего прыгать. Бабка сказывала, что плоха ты. Вот и лежи.

«Чтой-то сегодня с Бояром. Со счету сбилась – сколько детей ему выносила и родила, а такое – впервой. Верно говорят – другую приглядел. Молодую. Вот и ладно. Замучилась я совсем».

– Бояр, – Ясная дотронулась до холщовых штанов мужа. – Хороший ты.

– Придумаешь еще.

– Как надумал, так и поступай. Я тебе не помеха.

– О чём это ты?

Ясная не ответила. Он постоял, подождал, может, что пояснит, и быстро вышел.

* * *

Давно это было. Нахаб, потомок Бояра и Ясной, даже и не знал, когда. Лишь слова Бояра, передаваемые от отца к сыну, дошли до него:

– Сила северян – в единстве. Будем сообща, под одним началом, – никакой враг не страшен. А нет – сгинем.

Не спалось Нахабу. Ворочался, тяжело перекатываясь с боку на бок, вставал, пил ледяную воду, опять ложился. Но сон не шел. Наступили для него черные дни. Не осталось у него наследника, и некому было передать нажитое добро,

некому пересказать наказы боярские.

Под утро, намаявшись бессонницей, он встал, накинул медвежий тулуп и вышел во двор. Морозный предрассветный воздух обжигал. К знакомым запахам человеческого жилища присоединился еще один – запах весны.

Нахаб сбросил тулуп и остался в одной нательной рубахе ниже колен. Зачерпнул серебристого снега и, довольно кряхтя, стал натирать сначала лицо, руки, потом – грудь и опять лицо.

– Эх, эх, – разносилось в тиши.

Сторожевая собака, потомок волка, какое-то время настоженно наблюдала за хозяином с другого конца двора, затем, вильнув хвостом, подбежала и начала вертеться вокруг Нахаба, озорно поскуливая. Он зачерпнул немного снега и бросил в неё. Она, взвизгнув, отскочила в сторону.

– Верный, иди! Ко мне! – позвал он.

Собака, поблёскивая в полутемноте желтыми глазами, приблизилась и остановилась.

– Ко мне! Ко мне, Верный!

Нахабу показалось, что пёс, вибрируя ушами, раздумывает о предложении хозяина. Северянин доброжелательно повторил: «Иди, ко мне иди».

Животное негромко залаяло и кинулось к хозяину. От сильного толчка в грудь Нахаб пошатнулся, но устоял. Защищая лицо от горячего языка, он стал пятиться, но Верный, переступая задними лапами, шёл за ним, продолжая лизать.

Нахаб споткнулся и упал.

Пес отскочил в сторону и, прижав уши, стал наблюдать за поднимающимся человеком. Ровно в тот миг, когда Нахаб почти встал, но еще окончательно не выпрямился, бросился на него. Все четыре лапы нанесли удар по спине, и этот удар был так силен, что Нахаб носом уткнулся в снег.

– Ах, ты так?! Ну, погоди...

Собака отбежала и победно-пронзительно залаяла. Эхом ответили соседские псы.

– Замолчи. Побудишь всех, – прикрикнул Нахаб и стал неуклюже подниматься.

Когда пес опять прыгнул, он встретил его прыжок в воздухе. Натренированные руки сами отыскивали загривок псины и, наваливаясь всем телом на визжащее животное, Нахаб подмял его под себя. Собака, изгибаясь всем туловищем, остервенело сопротивляясь, пыталась вцепиться в его шею, но он ловко уворачивался. Вскоре она стала терять силы и через несколько мгновений совсем обмякла под руками Нахаба, жалобно заскулив.

Нахаб встал, оправил рубаху.

– Это ты здесь шумишь? Спать не даёшь. Во, удумал с собакой силёнкой мериться!

На пороге бревенчатой избы стоял Баровит – дед Нахаба. Длинная борода одного цвета со снегом свисала до самого пояса, такого же цвета волосы неровными прядями ложились на плечи. Тусклых старческих глаз почти не было.

видно, они глубоко провалились в глазницы. Сухие, неестественно длинные руки покоились на посохе. Весь он был сухим, длинным.

– Лапу повредил, – с осуждением покачивая седой головой, сказал старик.

Нахаб посмотрел на лежащую собаку, – она тихо скулила и осторожно лизала переднюю лапу.

– Не, не сломал. Кость цела, – сказал Нахаб после тщательного осмотра раны. – Утром смажу медвежьим салом с боль-травой, и пройдет.

– Смотри. Собака хорошая. Жалко такую терять.

– Не, ничего. Обойдется, – оправдывался Нахаб.

– Дай тулуп. Холодно.

Старец не стеснялся своей слабости и дряхлости. Чего стесняться? Пожил, честно постоял за род и с достоинством перейдет Смородину⁵.

– Не спишь, которую ночь бродишь. А чего бродишь?

– Так, – неопределенно ответил Нахаб.

– Отвечай, когда спрашиваю. Чего не спишь?

– Думаю.

Старец поежился, худыми руками прижал тулуп к телу.

– Холодно. Ноги зябнут.

– Пойдем в избу. Простынешь, – предложил Нахаб.

– Успеется. Значит, думаешь. И о чём твоя дума?

⁵ *Смородина* – река в славянской мифологии, отделяющая мир живых от мира мёртвых или мир добра от мира зла.

– Так, – неопределенно пробурчал Нахаб.

– Опять, – угрожающе повел бровями Баровит. Так старому человеку не отвечали у северян.

– Весна скоро. Сеять надо. Да и степняки, гонец вчера от всесеверянского совета был, зашевелились.

– Не об том думаешь. У тебя одна забота. Какая – сам знаешь. Чего бродишь? С женой не балуешься. А? Слыхал, что люди говорят? Ладно, не вскидывайся. Знаю, тебе, что люди говорят, – не указ. Сам голова, а что не досмотришь, мы укажем. Да только плохо смотришь. Сына как не стало, сколько уже прошло?

– Год и полгода.

– Во, сколько! Да у тебя за это время в люльке пара мальцов должна качаться, а ты с собакой возишься. Совсем очумел!

Разговор злил Нахаба. Хотелось прикрикнуть на старика, не твое, мол, дело – с женой мне спать или с собакой возиться, развернуться бы и уйти! Но старость требовала уважения. Да и прав он. Много времени утекло после смерти сына, а жена всё пустая ходит. И как пустой не ходить, если и забыл уже, когда под бок к ней закатывался. Дела и думы совсем подкосили мужицкую силу.

– Али силёнок у тебя не стало? – как будто угадал Баровит его мысли. – Вот, значит, в чём дело? А я всё жду, лежу, не сплю, прислушиваюсь, когда же ты зашлепаешь к Ласковой. Ну, это дело поправимое. Средство есть одно верное, –

озорно подмигнул Баровит. – Не морщись, нечего. Что ты, девка что ли красная? Дело житейское. Мне это средство дед передал, когда время пришло. Что смотришь? И у меня всякое бывало. В молодости я это дело жуть, как почитал. Потом глядь – ничего и нет. Женка молодая, и так, и этак, – нет ничего. Я и запечалился: неужто всё, отрадовался? Так дед мой углядел, что невеселый хожу, и так вот, как я с тобой, повёл разговор. Дал это средство и научил, что делать. Так я опять ожил. Потом, правда, уже ничего не стало помогать, да и незачем. Поутру приходи на мою половину – в кулечке у меня припасено, для себя берег. Кончится – самого научу делать. Мороз-то какой! Зябко...

Нахаб за время разговора успел тоже замерзнуть и ждал разрешения старца войти в дом, но Баровит не спешил.

– Дочь у тебя рассудительная выросла, – продолжил он, когда Нахаб уже совсем замерз.

– Велижана?!

– Во, удумал! Велижана! У этой вертихвостки одно Ладон на уме. Со двора её пора провожать. Созрела.

– Ей лет немного. Рано ещё.

– Во! Опять прекословить. Говорю, пора. Созрела. Вижу, как глаза-то горят, аж светятся! Дождёшься, сама косу расплетёт, а то и расплетут. Хорошо, если из богатого рода, а то залётный кто... Род Гуснара поднялся. Знаешь?

– Знаю.

– Во! Его предки, глядучи на Бояра нашего, тоже стали во-

круг себя родичей сколачивать. Не шибко получалось. Только сейчас силу взяли. Так у них сын, как наша, подросток. Род богатый, и сила за ними. Хорошо было бы нам, да и им за честь породниться с боярским родом. Со всех сторон выгода.

– Не шибко род Гуснара и разбогател. Подумать надо. У меня только две дочери, и выдавать их за кого попало не хочу.

– За кого попало?! – зло передразнил его старик. – Больно своенравным ты, Нахаб, стал, а ума не много нажил. Здесь не мошна⁶ важна, а под руку весь взять. Она сейчас под каким городищем?

– Смоковским.

– Вот. А породнимся? К нам в подчинение перейдёт. Смеять надо. Всё. Сказано тебе – начинай переговоры, вот и начинай.

– Ладно. Сегодня съезжу, посмотрю, что к чему.

Внимание Баровита привлекли первые проблески солнечных лучей. Он терпеливо, почти не моргая, наблюдал сначала за слабыми просветами на темном небе, затем за все нарастающим светом над горизонтом.

Когда край неба вспыхнул, и языки пламени полновластными хозяевами побежали по огромному синему куполу, он встрепенулся. Слезящиеся от долгого напряжения глаза засияли от восходящего солнца.

– Нынче поворот на тепло будет. Солнышко наше заго-

⁶ *Мошна* – небольшой мешок для хранения денег.

стилось, али заспалось, сегодня проснулось. Умытое встает. Видал, как стрелы во все стороны выпустило? Одна вон куда улетела. До того самого края. Весна будет скорой. Снег быстро сойдет. И лето будет урожайным. Во-во, как жизнь-то зашумела! Ожила, ожила матушка-кормилица. Хорошее будет лето, житное!

Баровит загадочно улыбался. Он видел и слышал то, что природа подсказывала людям. Подсказывала, а чаще указывала, как выжить северянскому роду в её суровых условиях.

Нахаб тоже наблюдал за просыпающимся солнцем, но пока он не мог распознать то, что было очевидным для старца. Молодой еще. Если доживёт до лет деда, начнет понимать молчаливые речи матушки-кормилицы, тоже начнёт разгадывать и пересказывать своим родичам.

– Ладно, иди. Промёрз, небось, – разрешил Баровит внуку. Глядя на Нахаба, старик узнавал самого себя. Такой же своенравный, несговорчивый по молодости. Лишь испытания, потеря близких и ответственность за род научили рассудительности и сдержанности. Хотя, нет-нет, но в серых глазах цвета клинка, в дерзкой улыбке тонких губ, прячущихся в окладистой бороде, читалась бесшабашность и беспощадность. – Иди, иди, повторил старик. – Я постою ещё маленько. Посмотрю, да послушаю. Может, еще что скажет солнышко. Управишься с делами – приходи. Не договорили.

Лютый

Природа Гуснара обидела, не доглядела, дала малый рост. Все северянки обошли его: какая на полголовы, какая и на целую голову. Из-за этого или по какой другой причине был он лютым, как медведь-шатун. Не тронь, слова не скажи поперёк, – сразу на дыбы встает, того и гляди – за меч схватится, и тогда беды не миновать. Одно слово – лютый. С малолетства родичи кличут его так между собой, в глаза не говорят, побаиваются. Плачет от него все семейство, пуще всех – жена Лазурна. Отец Гуснара, Крип, не спрашивая, привёл её и усадил рядом с сыном. Не полюбила она Гуснару, да и ростом была велика, но против воли отца не пошёл.

Пока жив был Крип, норов Гуснара пригибал, силой заставлял уважать других. За Лазурну вступался. Дело это, конечно, самого Гуснара – его жена, он над ней хозяин, раз в его доме живёт, но где такое было видано: по северянке кнутом ходить, как по скотине бессловесной. Другой зазря животного не обидит, а здесь – жена. Вот и вступался Крип, вразумлял, как мог.

Когда Гуснар не забоялся руку поднять на Лазурну на сносках, Крип и вовсе не стерпел. Взял тот же кнут и прошёлся по спине сына.

– Увижу, что битая она, на круг старцев призову. Пред ними ответ держать будешь. Они, сам знаешь, к богам обра-

тятся. Гляди, Ладо всегда на стороне дитя, особенно в утробе матери. Понял, что я сказал?

– Понял. Как не понять?! – Гуснар по-звериному посмотрел на обидчика. Была б воля, вцепился в горло и не выпустил, пока дух ненавистный к предкам не отправил. Отец? Какая разница! Обида в расчет родство не берет.

С того раза он перестал измываться над Лазурной. Пинать – пинал, когда отец не видел, бить – не бил.

Вскоре Крипа стрела степного народа позвала на Калинов мост. И откуда только взялась на охоте?! В лес степняки не любят заходить, и от вольной степи далековато, но стрела с отметиной – значит, занесло зачем-то. Могло быть и по-другому: кто-то из своих решил отомстить Крипу за причиненную когда-то обиду. Но об этом только лес да ветер знают. Еще и Святобор⁷ ведает, но он тайну не выдаст, и смерть хорошего воина Крипа для северян останется загадкой.

Гуснар, возглавив род, сговорил вторую жену. Выбирал по своему усмотрению: росточка небольшого, глазки быстрые, и вообще самая быстрая. Ей бы имя Быстрина дать, но родители называли Белява, видно, из-за светло-русых волос и бледных, без румянца щек.

Белява, как вошла в хижину, так и окунулась в злобу. Не так села, не так сказала, не так подала. Она слышала от северян, что строг Гуснар и придиричив не по делу, но чтоб до такой лютости доходило, не думала.

⁷ *Святобор* – славянский бог лесных угодий, лесов.

Решили они с Лазурной держаться друг за дружку. То Лазурна вступится за Беляву, то та отведёт грозу от Лазурны. Один на двоих, — всё легче.

Род Гуснара жил небогато, бывало, и вовсе бедствовал. Вроде не ленивые, и умом не обижены, а в силу войти никак не удосуживались. В рваньё, необработанных звериных шкурах ходили, иной раз тулуп по очереди носили, а бывало, одежду с плеча меняли на съестное.

Так и мыкались, глядишь, и сгинули бы вовсе, если б не одно обстоятельство. Во вторую весну, как не стало Крипа, беда нагрянула общая на всех северян.

* * *

Каждое лето степной народ совершал набеги на северянские земли. Чуть снег сошёл, земля подсохла, и стойбища степняков всё ближе и ближе перекочевывали к городищам северян. За зиму степняки порядком отощали, награбленные запасы поистратили, плененных северян выгодно продали или обменяли в далеких землях.

Про дальние земли северяне мало, что ведали, не любили ходить в походы, предпочитали жить тихо и мирно. Брались за оружие, если их первыми забижали, а взявшись, крушили всё и всех на своём пути. Не было им равных в силе и доблести. За это воины имели большую цену на многих невольничьих рынках. О северянках особый разговор. Многие чуже-

странцы мечтали иметь в рабынях голубоглазую красавицу. Она – лучше любой радости. День любуйся, не нагладишься. Работницы из них, к тому же, выносливые, матери заботливые, а ежели потребуется, и воины неплохие.

Поэтому, да еще из-за барыша, земля северянская уж очень соблазняла, – всегда найдётся, чем поживиться, – вот степняки и спешили к границе. Первые придут и ждут остальных соплеменников. Раньше собиралось немного, сотен несколько. С ними пограничные воины быстро управлялись, бой на равных считался, когда на одного северянина приходилось пять степняков.

Но с каждой весной стойбища множились, и пришло время, когда войлочные юрты стали уходить далеко за горизонт. И теперь почти каждый травень⁸ или кресень⁹ дым от сигнальных костров зовёт северян к границе. Жидкий белый дым наказывает прибыть небольшому войску. Если столб черный и не один, – знак собираться всем и спешно выдвигаться.

В главном капище¹⁰ волхвы¹¹, блюстители северянской веры, в честь богов приносят жертву. В городищах поменьше, где капищ нет, совершает жертвенный обряд старший из ста-

⁸ *Травень* – славянское название мая.

⁹ *Кресень* – славянское название июня.

¹⁰ *Капище* – древнеславянское слово, которым обозначается пространство языческого храма, расположенное за алтарём и предназначенное для установки капей (статуй, изображающих богов) или иных сакральных предметов.

¹¹ *Волхв* – волхв, жрец.

риков. Старцы созывают народ на вече и решают, кто встанет во главе северян, и сколько в этот раз городище выставит воинов.

Воеводой выбирают бывалого храбреца. Ратные раны и седые волосы – не мерило важного дела. Главное для избранного – воинская хитрость и твердость характера. Попробуй, поуправляй северянами. Каждый – себе голова, никакие стрелы и мечи ему не страшны. Так и норовит в самую гущу боя врезаться, а есть ли в том нужда, не задумывается. Поэтому выбирают воеводу в спорах. Кричат, ругаются.

С воеводой решили, принимаются за другое – сколько воинов, если не всех дым зовёт, от каждого рода в поход направить. Хорошо, если всё сложится удачно, – вернутся с добычей и пленёнными. А если нет? Полягут в землю кормильцы или вернутся калеками. Каково поднимать детей? Опять долго решают...

В тот раз на совете порешили от рода Гуснара снарядить в поход двух воинов. Выпало на него да кровного брата по отцу. Лазурна и Белява не знали, радоваться или печалиться. Гуснар безлошадный. Пока до места доберется, умается, а там и в бой. Редко кто из безлошадных домой возвращался.

Гуснару повезло. Поход вышел недолгий и удачный. Северяне вернулись со знатной добычей, и на каждого походника выходило по два степняка. Одна печаль – брат голову сложил в степи, и забота о вдове брата и двух его дочерях ложилась на его плечи. Но то ли Белбог вспомнил о Гуснаре,

то ли племянницы испугались того, кто над ними теперь хозяйничать будет, и на общем круге по очереди спросили:

– Чем мы, родичи, не воины?

Обычай такой: если из похода отец, муж или брат не возвращался, северянка имела право объявить о своем желании стать воином. Бездетным был особый почёт, – их отправляли в пограничные городища, где они жили, учились воинскому делу, а чаще готовили и обстирывали несших там воинскую службу северян. Там нередко и семьями обзаводились.

Вот сироты и решили выбрать для себя такую судьбину. Гуснар усмехался, – ему-то такой исход только на руку. Одинокая вдова – не обуза, а находка. Будет работать, рта бояться открыть. Заступников нет же!

Вдова, как увидела, что неразумные дочери вытворяют, недолго думая, сама задала вопрос:

– Чем я, родичи, не воин?

– Воин. – Отвечают старцы и головой качают – на их памяти такого не случалось.

Гуснар от везения чуть не закричал, в последний миг стерпел, лишь довольно улыбнулся. Радость не осталась незамеченной. По рядам северян пошёл гулять недобрый шепот.

– Повезло. С ним никто жить не хочет.

– Лютый и есть лютый.

Кто-то высказал: раз девки воинами назвались, – нечего Лютому степняков за убитого брата давать.

Гуснар молчит, только примечает, кто больше всех воз-

мущается. Он найдёт, как отомстить обидчику, – стрел-то в боях много припас.

– Нечего попусту шуметь, – требуют старцы. – Обычай не нами заведён и не нам его менять. Если девки так решили, тому так и быть. А работных сколько полагается, столько и будет.

Так в роду Гуснара оказалось четыре раба, срок их службы был немалый – пять лет. Он оставил бы у себя их навечно, но нельзя. Обычай велит невольников держать строгий срок. Потом пусть горемычные домой возвращаются и всем рассказывают, что северяне – народ добрый и не воинственный. Не трогай их – сами не начнут, а если обидел, тогда держись.

Другие северяне по доброте своей и на радостях, что вернулись живыми и невредимыми, на совете решили отпустить пленников через три года. Это – другие, а Гуснар не стал слово давать.

– Что три лета? Маловато. Пушай работают.

– Что ты, Гуснар?! Зачем поперёк других лезешь? – вступились за степняков воины. – Сказано три лета, и всё тут.

– Кем сказано? Тобой, что ли? – Обратился он к ближайшему северянину и выбрал-то самого тихого и спокойного. – Или тобой?

– Нами, – отвечают ему разом.

– Ну, вами сказано – три лета, вот и держите слово. Я же зарекаюсь – через пять лет отпущу работных. – Сказал, как отрезал, Гуснар и пошёл с круга.

Хотел ему кто-то возразить, но сдержали его – чего, мол, с ним говорить. Пушай, как хочет. Лютый, он и есть лютый.

Отработали степняки честно, но только двое из них были отпущены, другие не дождались свободы – ушли к предкам. Что удивляться? Для людей оседлая жизнь степи хуже смерти, еще и в неволе.

Зато род Гуснара окреп, пошёл в гору.

* * *

Нахаб в сопровождении двух родичей подъезжал к весел Гуснара. Правду сказал Баровит – весна торопилась. Солнечные лучи нещадно набросились на сугробы. От этого каждая снежинка, подставляя бока под весеннюю ласку, блестела. Какая серебристым светом, какая и вовсе сродни солнцу была. От такой неземной красоты Нахаб жмурился и улыбался. В груди – печаль, но весне по плечу любое горе убаюкать. Пусть на миг, но сердцу всегда легче от предчувствия новой жизни.

Одна боль Нахаба давно угнетала, другая была совсем новой – не по душе Нахабу поездка. Промолчал, не стал перечить Баровиту, а надо бы. Дело не в том, зачем едет, в том – к кому. Молва о Гуснаре известная: к людям недобр, норовит под себя подмять, унижить. Ему человека обидеть, что другому ясну солнышку улыбнуться. Не зря промеж себя Лютым кличут. Такое имя зазря не дают. Баровиту что? Он за

родовое богатство. А Нахабу дочь жалко. Войдет в дом мужа, и не во власти Нахаба будет помочь ей, защитить от бед. Словом бодрым поддержать, и то не всегда получится.

«Ну, ничего, схитрю, – думал Нахаб, подъезжая к веси. – Не скажу, зачем пожаловал, – тот, может, и не догадается. Догадается – что ж с того? Не беда. Пред Баровитом тоже схитрю. Скажу – не глянулся парень, а лучше: не в таком Лютый и достатке, как молва разносит. Старик очами всё одно не увидит. А кто скажет обратное? – задумался Нахаб. – Когда скажут, тогда и буду выкручиваться», – решил он.

Нахаб цепко, по-хозяйски окинул владения Гуснара: и, правда, небогато. Бревенчатых изб – две. Низковатые. Одна недавно срублена.

«Видать, спешил. Показать хотел, что забогател. Бревна тонковатые положил, в них тепла нет, считай, в хижине жить», – рассуждал про себя Нахаб. – «Молодых поселят в неё. Неужто Лютый себя обидит? Что тогда Велижане делать в морозы? Замерзать? Она привыкла к теплу и уюту».

Не приглянулся ему и частокол, возведенный вокруг жилища Гуснара. Первое, что строили северяне вокруг своих поселений, – это высокие крепкие частоколы. Где позволяла местность, выкапывали глубокий ров. Если поблизости были река или озеро, ставили запруды и в опасные минуты заполняли ров водой. Зажиточные северяне возводили частоколы и вокруг своих построек. Были они пониже, чем общие, но в трудную минуту любая преграда могла многим северянам

жизнь спасти.

Вокруг построек Гуснара тоже возвышалось ограждение: с человеческий рост и с дубовыми воротами.

«Железом ворота не окованы, – отметил Нахаб. – Сами слабоваты, – двое поднатужатся и в один миг вышибут. Засов-то, засов! Право дело: одно название».

Он уже знал наверняка: Велижане не придется хорониться за ними. Бесповоротное решение было принято.

«Баровиту так и скажу, – думал Нахаб, – хозяйство Лютого ни в какое сравнение не идёт с боярским. От людя стыдно будет. Родниться с беднотой! Зачем такой позор принимать? Найдем Велижане другого».

Нахаб, довольный разрешением заботы, уже не так придирчиво осмотрел домовладение Гуснара и в очередной раз убедился, что его хозяйство лучше и надежнее во много раз. Это радовало и давало чувство превосходства.

* * *

Гуснар в широких кожаных штанах и рубаше с открытым воротом, украшенным тонкой незамысловатой вышивкой, ловко управлялся топором, мастера кормушку для телка. Он знал: в весе появились чужаки, сторожевые собаки никого не пропустят, не облаяв, но это его нисколько не интересовало. Время сейчас безопасное, и многие, словно им делать нечего, шляются по дорогам, не давая покоя порядоч-

НЫМ ЛЮДЯМ.

Увидев трех всадников, остановившихся около его ворот, злобно сплюнул.

– Кого это несет?! Небось, ночлега будут просить, – одна растрата с ними.

Сначала он хотел кликнуть кого-нибудь из домочадцев. Но старший сын Чтирад вычесывал коня. Лазурна с младшей дочерью отбивали вытащенное из лохани с горячей водой полотно, – оно дымилось, из-за чего их почти не было видно. Младший брат Молк прилаживал свежеобтёсанное бревно в скотнике, – сегодня утром вол, почуяв весенний зов, рванул во двор, и старое бревно, загораживающее выход на улицу, треснуло, но устояло. Остальных членов своего рода Гуснар не видел, но знал, что каждый чем-то занят.

«Пускай работают» – решил он и медленно, вразвалочку пошел к воротам. – Ничего, подождут. Я их к себе не звал», – распалялся Гуснар.

Когда увидел, кто стоит у ворот, обрадовался, что не сплеховал и сам встретил важных гостей.

– Здорово, Гуснар! – степенно спешился Нахаб и низко поклонился. Хотя он был знатнее и выше в северянской воинской иерархии, но так требовал обычай. Это он пришёл в дом северянина и ему спину гнуть пред хозяином: принимай и угощай незваных гостей.

– Что ты, Нахаб! В моем доме тебя всегда рады видеть, – гостеприимно улыбался Гуснар, понравился ему и поклон –

уважительный, до самой земли.

Пока Гуснар вёл беседу с гостями, домочадцы дружно взялись за дело. Чтирад и Молк обтерли и накрыли шкурами коней. О верховых у северян особая забота, а здесь еще и уважение к гостю показать надобно. Чуть позже лошадям дадут овса и напоят теплой водой из специальных лоханей в хлеву.

Женщины рода, скоро скинув рабочую одежду, нарядились в длинные, цвета спелой пшеницы платья с вышивкой красными петухами на рукавах и горловине, подпоясались кожаными поясками. Лазурна, как старшая жена, надела бусы из голубых неровных камней, старшая жена Чтирада Сметная – бусы из бисера. В доме – гость, стало быть, хоть и не праздник, но и не простой день.

Пока старшие женщины занимались собой, остальные, а насчитывалось их в семействе еще семь, готовили угощения. Все, что было в доме, ставилось на стол: горшок гречневой каши, жирно заправленный медвежьим салом, студень из кабаньих ножек, зайчатина, вымоченная в меде и отваренная в молоке, лепешки из проса, соленые грибы и, конечно же, мёд.

Когда Гуснар пригласил гостей в дом, добротный стол был уже заставлен яствами. По двум сторонам стола стояли, скромно опустив головы, северянки. В первую очередь Нахаб подошёл к Лазурне. Он назвал её по имени и низко поклонился. Она ответила таким же низким поклоном.

«Откуда такое чудо у Лазурны? – Нахаб задержал взгляд

на голубых с черными крапинками бусах. Он знал цену такому украшению, даже для него она была велика. – Видать, и вправду Гуснар разбогател. Только что-то изба кой-какая, а жена в дорогих подарках балуется».

Подошел к Сметной. Последовали взаимные поклоны. Выказав уважение хозяйкам дома, Нахаб поклонился Роду¹² и Велесу¹³, стоявшим на высоком, гладко обработанном чурбане.

«Неужели не мог божье место украсить? – удивление, а больше раздражение охватило Нахаба. – Церазиком¹⁴ поработал, а нет, так у кузнеца заказал оправу. Жене вон какие бусы преподносит, а к богу нет уважения. Одно слово – Лютый».

За стол сели только мужчины. Нахаба посадили на место хозяина. Гуснар сел по правую руку. С левой стороны стола разместились два северянина, приехавшие с Нахабом, по другую сторону – Молк и Чтирад.

Почтительно отведав все угощения, выставленные на стол, Нахаб повел разговор о скорой весне, о тревожных сообщениях от пограничных северян. Гуснар, уважительно поддерживая беседу, ждал, когда гость перейдет к делу, ра-

¹² *Род* – славянский бог, создатель мира и отец первого поколения светлых богов (боги-отцы), Причина всех Причин, основатель и сущность мироздания.

¹³ *Велес* – славянский бог домашнего скота, зверей и богатства, второй по значению бог после Перуна.

¹⁴ *Церазик* – тонкая фигурная (полукруглая) стамеска, используемая в художественной резьбе по дереву.

ди которого пожаловал. Но Нахаб не спешил и продолжал говорить ни о чём.

Все это время Лазурна и Сметная без суеты и с достоинством ухаживали за северянами. Подливали меду в пустые кубки, подкладывали грибов и студня. И тоже ждали, когда гость встанет и скажет: «Благодарствуйте за угощение», что означало: за столом переходят к важным разговорам, и женщинам тут не место.

Когда Нахаб всё же произнес ожидаемые слова, Лазурна и Сметная, поклонившись, быстро вышли.

Гуснар зыркнул на Молка и Чтирада, те тотчас молча встали и последовали за женщинами. Нахаб не хотел оставаться с Гуснаром один на один, но и ему ничего не оставалось, как указать на дверь своим спутникам.

– Гуснар, – начал Нахаб, – видал, как весна силу взяла. Глядишь, скоро снег сойдет. Откроются дороги для лесного люда, и опять пойдёт их воровское дело.

«Об чём это он? – встрепенулся Гуснар, но виду не показал. – Про скорую весну уже говорил. Неужто прознал? Может, так просто разговор важный заводит».

– В прошлый год лесные много урону нам нанесли, – продолжил Нахаб. – Слыхал, что и ты от них пострадал.

– Как же?! Двух коз потерял. В одну ночь увели. Прикинуть, сколько сосельников пострадало от окаянных, то оного сколько получится!

– Вот и я говорю. Урон от них большой. Здесь вот какое

дело – слушок прошёл, что кто-то из наших с ними дружбу завёл.

– Да неужто?! – умело изобразил Гуснар неподдельное удивление. – Со зверьём этим?! Ни в жизнь не поверю!

– Слушок верный. Сказывают, северянин привар имеет, и немалый.

«Прознали, – обреченно подумал Гуснар. – Пусть докажут!».

– Мужик ты серьезный, – невозмутимо продолжил Нахаб. – Головастый, таких не много, – решил он польстить хозяину дома. – Приглядишься вокруг. Посмотри, может, кто и проявится.

– Как так, проявится? – в этот раз пришлось Гуснару изобразить непонимание.

– Как?! В первую голову – это у кого шкура новая появилась. На охоту не ходил, а жена или дочь – в новом тулупе. Где взял? Сам знаешь, у лесных этого добра полным полно. Потом – медок лесной. Он тоже оттуда. Обмозгуй это дело. Нехорошо северянину с лесными дружбу иметь втайне от всех. Понятно объясняю? Тебе это не от меня указ. Наши старцы с вашими, со смоковскими, совет держали. Сообща и решили – мужиков, которые порасторопней, к важному делу привлечь.

«Это ты, Нахаб, врёшь. Кабы так было, со мной не ты б говорил, а кто из наших старцев» – подумал Гуснар, а вслух сказал:

– Благодарствую за такое доверие, – он встал, прижал руку к груди, выказывая уважение к совету старцев и Нахабу, и поклонился. – Своё слово могу и сейчас сказать. Без раздумий, уверен я в том. У нас нет, чтобы ни с того ни с сего кто-то богатеть начал. Всё на виду. Всё на глазах. Народ у нас, сам знаешь, не шибко богатый. Вашему городищу мы не ровня. – Теперь пришла очередь Нахаба выслушивать льстивые слова. – Приглядываться особенно не к кому.

«Вот ещё. Нашёл, с кем равняться, – перед глазами Нахаба предстала Лазурна в богатых бусах, и полоснула догадка: деньжата немалые уплачены. Откуда взял? Может, ты и есть вор окаянный?».

Вслух же, подумав, сказал:

– Хорошо, что ты в своих родичах и сосельниках не сомневаешься. Но кто не хочет вдоволь лепёшек на столе иметь!

– Это, конечно, правильно, – согласился Гуснар.

– Все ж приглядишь. Может, кого поспрашиваешь, так, издалека. Что разузнаешь, никого не присылай, сам ко мне приезжай. Это дело непростое.

– Хорошо.

– Вот и сговорились, – Нахаб встал.

* * *

Гуснар, проводив гостей, вернулся в дом, – женщины уби-

рали со стола. Одного взгляда Лазурной хватило, чтобы понять: в доме – беда. Налитые кровью, как у разъяренного быка, глаза мужа сверкали бешенством. Она хотела незаметно юркнуть в приоткрытую дверь, но вопрос Гуснара остановил её.

– Куда?

– Со скотиной управиться. Скоро темно будет.

– Есть, кому управляться.

Гуснар подошёл к столу. Движение руки, и деревянная посуда, из которой некоторое время назад ел и пил Нахаб, полетела на пол, да так, что ложка, ударившись об стену, раскололась.

Лазурна проворно собрала разбросанную посуду, Беява положила перед мужем новую ложку и поставила кубок.

– Налей! – последовал приказ, обращённый непонятно к кому, но все знали, кто должен это сделать.

Лазурна, еще больше побледнев, двумя руками взяла глиняный кувшин и осторожно, чтобы ни одна капелька янтарной жидкости не упала на стол, налила мёд в кубок мужа.

Гуснар выпил, потянул на себя глиняное блюдо с зайчатинной. Взяв кусок, с остервенением бросил его назад.

– Холодное?! В доме огня нет? – он медленно встал и так же, не спеша, пошёл на Лазурну, которая пятилась от него, пока не вжалась в стену.

– Кто велел бусы нацеплять? Спрашиваю! Кто велел?!

Лазурна молчала, разве она могла сказать, что старшая

дочь присоветовала: «Гость знатный, пусть поглядит, что и у нас богатство имеется».

— Говори, кто велел?

— Сама решила.

— Ах, сама!

В этот раз битые были и Лазурна, и Белява. Старшая дочь Лазурны попыталась вступить за жестоко избиваемую мать и сказала, что это она посоветовала бусы надеть, — тоже была бита. Остальные же члены семейства, слыша стоны и охи, терпеливо ждали окончания расправы над несчастными.

Как всегда, больше всех досталось Лазурне. Она долго сплёвывала сгустки крови, хворала, задыхалась от быстрой ходьбы и начала чахнуть день ото дня.

Злой бог

Нахаб вернулся домой, когда солнышко собралось на покой. Его встречали распахнутые настежь добротные, окованные железом ворота.

«Непорядок» – отметил про себя Нахаб, увидев полный двор односельчан, что-то дружно обсуждавших, встревожился. – «Что случилось?! Может, кто пожаловал?».

Северяне при виде всадников разом замолчали.

– Гормин, что приключилось? Что люд собрался? – не сходя с коня, обратился он к своему младшему брату, высокому плечистому воину в одной рубахе, несмотря на вечерний мороз.

Гормин, стараясь не смотреть в глаза спрашивающего, невнятно пробормотал:

– Ну, они, ну, того, ну, пришли.

Нахаб рассердился:

– Что мычишь, как бык? Тебя спрашивают: что за сбор?
Отвечай!

– Проклятие Чернобога¹⁵.

Нахаб побледнел, спрыгнул с коня и прохрипел:

– Кто?

Гормин опустил голову, не решаясь произнести имя чело-

¹⁵ *Чернобог* – бог холода, уничтожения, смерти, зла; бог безумия и воплощения всего плохого и черного.

века, выбранного страшным богом для наказания кровавой стрелой.

– Говори, не молчи, – гневно приказал Нахаб.

– Синеокая от меча в беспамятстве лежит, Кривоzubая над ней хлопочет, – чуть слышно, еще больше опустив голову, сказал Гормин.

– Как?! Кто посмел?! – искривлённые гневом губы не говорили, а выносили смертный приговор обидчику, лицо серело, словно мхом покрывалось.

– Лесные. Видно, на дозорного наскочили, – не мигнув, смотря прямо в глаза Нахабу, ответил седовласый кряжистый северянин. Твёрдый взгляд с горечью и болью остановил Нахаба от дальнейших выяснений.

– Потом ответ держать будешь.

Синеокая лежала на высоком дубовом столе, обнажённая по пояс. Вместо девичей, не познавшей мужниной ласки груди было месиво из обрывков мяса, сгустков крови и еще чего-то.

«Ведьмины травы», – догадался Нахаб.

Не отводя взгляда от раны, он представил, как убийца целится в сердце, заносит меч, вонзает и для верности вертит в податливом теле по кругу. Так умело убивают только лесные.

«Нет у меня больше дочери», – обреченно подумал он, и все же, надеясь на чудо, дрогнувшим голосом спросил:

– Как она? Рана тяжелая?

Кривоzubая, всеми уважаемая ведунья и знахарка, быстро

взглянула на вошедшего и продолжила привязывать к ране листья диковинной травы, – такой Нахаб раньше не видел.

– Рана-то? Ничего. Кабы не грудь, уже в путь к предкам собралась бы. А так ничего. Кровь не течёт – травушка-спасительница подействовала. Рана чистая. Подождём. В ночь в себя придет, значит, обойдётся. Только, видно... – знахарка всхлипнула, или это показалось Нахабу, и продолжила хлопотать над Синеокой.

Нахаб подождал и спросил.

– Чего не договариваешь? А?

– Чего-чего? – огрызнулась Кривозубая. – Что встал здесь? А? Мешаешь только. Хочешь стоять – стой, да только молча. Видал, опять кровь засочилась. – Она угрожающе вскинула на него свои тёмные, как чёрная ночь, глаза, и указала на дверь, – уходи отсюда.

Будь кто другой, Нахаб не стерпел бы такого обращения, не посмотрел и на дочь при смерти, но Кривозубой перечить нельзя. На то она и ведунья. Рассердишь, может в отместку наслать порчу какую или, хуже того, проклятие. Знает она много тайных слов и различных наговоров. Слушок ходит, что леший¹⁶ и водяной¹⁷ в дружках её числятся. Что ведунья? Бывает, простой северянин слово скажет, а у другого рот на-

¹⁶ *Леший* – в мифологии восточных славян хозяин леса, покровитель лесных зверей и птиц.

¹⁷ *Водяной* – злой дух, воплощение стихии воды как отрицательного и опасного начала.

бок свернётся. Хорошо, если найдёт она нужное слово-отговор, а нет, так сведённым и будет ходить до последнего своего часа. Бывает, скотина начнёт падать. Не болеет, а с ног валится, только успевай со двора увозить. Ясно северянам, что слово недоброе в сердцах кто-то произнёс, – вот мор и приключился.

Северяне винят в таких бедах Чернобога. Страшный бог! Ненавидит он всё человеческое, так и хочет извести род людской. Неотступно бродит около жилищ, ждёт, когда кто слово плохое скажет или подумает чёрное о ближнем. Тут уж не миновать беды. Исполнится в тот же миг.

Особенно зверствует, когда северянка приплод ждёт. Так и крутит вокруг, так и крутит. Выдумывает, что сотворить. Не зря ведунья, травница или знахарка, это уж кто в роду имеется, как живот ни от кого уже не скроешь, уводит тяжёлую к себе. Что делается там – ни один северянин не знает. Только возвращается северянка бледная, измученная и старается никому на глаза не попадаться на зорьке и закате. Когда свет и темнота встречаются, Чернобог особенной силой обладает.

Знают все, не хочет он пускать дитё на свет. Норовит в матери оставить или мертвым выпустить, или, хуже того, этому жизнь дать, а другого, который уже бегаёт или в люльке качается, забрать. Такое часто случается. Народился здоровенький и горластый, а брат его или сестра начинает ни с того ни с сего чахнуть. Северяне шепчутся: «Чернобог дело

своё справил. Ах, окаянный, опять его кровавая стрела пристанище нашла».

Есть у Чернобога еще и первая его отрада, для северян – чёрная опасность. Смерть северянки во время родов или вскорости после. Все родственники умершей, от малого до великого, – словно оголённые, нет никакой защиты от смертных наговоров. Родоначальник всех северян, бог Род¹⁸, и тот не в силах противостоять коварным умыслам Чернобога. Насылает злой бог различные проклятия: чтоб дети умирали в младенчестве, или воины калеками возвращались с походов. Много у него всего припасено для люда.

На боярском роду – тоже его проклятие. Через любимую старшую жену Бояра наслал.

* * *

После тяжелых родов Ясная так в силу и не пришла. Несколько дней пролежав в горячке, она встала, походила, слегла и больше не поднялась. Что-то внутри лопнуло, изошла кровью, и никакая трава, никакие знахарские заговоры не помогли.

Бояр, не выказывая боль по жене, сделал всё, как полагается по обычаю. Позвал двух старух и травницу, чтобы вымыли и снарядили в путь. Подруги откричали в скорбном хо-

¹⁸ Род – верховный славянский бог.

роводе и вознесли на костер. Пока огонь поглощал её останки, все родичи с трепетом смотрели на полыхающее пламя и ждали, что скажет знахарка, какой приговор роду вынесет.

Она же, как только костер отпылал, бросилась к тлеющим поленьям. Голой рукой схватила горсть огненных углей и стала мять в ладонях. Измельчив в пыль, дунула, и черный пепел закружился над головой. Она же, дико выпучив глаза, что-то закричала, упала на землю и на четвереньках поползла вокруг костра.

Кружа вокруг дымящей кучи в полный рост, на четвереньках, подсакивая на одной ноге, на другой, а потом и на обеих, она то выла, как волчица, то скулила, как собака, в перерывах что-то истошно кричала на непонятном для северян наречье.

Мёртвые остатки костра в самом центре вдруг вспыхнули, освятив почти безумное лицо знахарки. Она выхватила из плетённого подвязанного на пояске мешочка пригоршню чего-то и бросила в огонь. Все вокруг засияло зелёным цветом. Старуха какое-то время ещё крушилась вокруг пепелища, но уже не кричала, лишь шептала и махала руками так, словно прогоняла кого-то. Когда пламя потухло, так же неожиданно, как и загорелось, она, очистив ладони от пепла и земли, подошла к Бояру и вынесла свой приговор.

– Чернобог здесь, но скоро уйдет. Твоя жена ушла, уйдет и он.

Бояр собрался уже облегченно вздохнуть – миновала на-

пасть, но знахарка, сделав к нему шаг, изменилась в лице.

– Горе осталось.

На лбу Бояра мгновенно выступил пот, он смахнул его и почувствовал холод, идущий из-за спины, вероятно, там был Чернобог. Все северяне, присутствующие при погребении и ожидавшие слов знахарки, поёжились от ледяного дуновения.

Старуха заковыляла прочь, остановилась и громко, так, чтобы слышал каждый, сказала:

– Соберите останки Ясной и схороните, где полагается. Нет её вины в горе. Он, она произнесла «Он» протяжно и уважительно, так решил. Как решил, так и будет из года в год.

Так над боярским родом раскинулось покрывало проклятия. Девочка, рожденная Ясной, выросла крепкой и здоровой. Пришла пора расплетать косу, и жених на примете есть. Но как-то в жаркий день набежали на небо тучи. Грозный бог Перун¹⁹, ударив в барабан, выпустил из лука огненные стрелы. В поле было полно народу, и мало кто успел укрыться от дождя. В том была не большая беда, – вода быстро на ветру высохнет. Горе, что стрела Перуна угодила в боярскую дочь.

«Девка была, да замужней не стала!».

Так и пошло. У старшего сына Бояра дочь дикий зверь задрал. Вроде и недалеко от поселения собирала ягоды с подругами. Другие успели убежать от раненой медведихи, а она

¹⁹ *Перун* – бог грома и молнии, покровитель воинов.

споткнулась...

В другой раз выдали деву, ночью косу расплела, а на зорьке загорелись сигнальные костры. Ушёл её суженый в поход и не вернулся. Она на совете встала и спросила: «Чем я не воин?». Через весну сама, защищая родную землю от степняков, сложила головушку.

Чернобог своё дело хорошо знает.

Добрался и до дочери Нахаба Синеокой.

* * *

Нахаб не сразу покинул горницу, где умирала дочь. Посто-ял, посмотрел, как ведунья борется с Чернобогом за жизнь Синеокой.

«Видать, опять: была девка, а замужней не стала». – С тяжёлым сердцем вышел Нахаб на улицу.

Толпа поубавилась, – опасались, во что выльется отцов-ская боль. Оставшиеся, опустив головы, ждали.

– Ну?! – Грозно спросил Нахаб. – Что в землю уставились? Держи ответ, Стожар. Почто дочь мою не сберег?

Могучий седой воин с изуродованным шрамами лицом посмотрел на Нахаба. Один из шрамов от виска пролег по его лицу к носу, расчленив бровь, другой по щеке спускался к шее и прятался за ворот легкого тулупа.

– Не углядел. На мне вина. – Голос Стожара дрогнул под взглядом Нахаба, но в серых решительных глазах страха не

было.

Он, наставник и учитель молодых воинов, признавал просчёт. Он – тот, кто владеет многими воинскими премудростями, от него никто не скроется, – словно сама земля указывает путь к спрятавшемуся, никто дольше не просидит на дне речки без воздуха, – вода словно расступается перед ним, давая возможность сделать вдох. Поэтому совет старцев вручил ему жизни юнцов. Он научит их умело сражаться мечом и копьём, прямо в цель пускать стрелу, бесшумно пробираться по лесу, по следу, по примятой травинке, сломанной веточке определять, кто и когда крался по тропе. Научит еще многим премудростям и тем сбережёт жизнь не одного северянина.

– За вину ответишь перед советом. Мне разъясни, как... – Нахаб хотел назвать дочь по имени, но оно застряло комком в горле. – Как она под ударом оказалась. И какие лесные в такую пору?

– Вот и я думал – рано еще лесным показываться. Все тропы замечены, снег – в рост человека. Ан нет. Вышли окаянные, недалеко наткнулись, около Черного болота.

Нахаб насторожился, – это рядом с городищем. Так близко лесные подходят летом, когда подсохнут известные только им тропы по непроходимому болоту.

– Спутал ты что-то?

Подозрения Нахаба больно укололи самолюбие Стожара, но виду он не показал. Сам виноват, оступился, теперь терпи.

– Нет. Не ошибся, и тому подтверждение – лесной.

– Взял лесного?! Добре. – Злоба на Стожара поубавилась. Убийца дочери схвачен и будет наказан. Синеокая спокойно взойдет на Калинов мост. Да и поговорить с лесным нужно. Зачем пожаловал? Что высматривал?

– Не живой он. – Увидев в глазах друга вспыхнувший огонь охотника, поспешил сказать Стожар.

– Так значит, – разочарованно протянул Нахаб. – Рассказывай с самого начала. Зачем на болото пошли? Как лесных встретили? Сколько их? Все в точности пересказывай.

– Мы к речке шли. Через болото. Ребят учить, как по льду ходить, чтобы не падать. Дело нужное.

– Хорошая затея, – согласился Нахаб, – зачем через болото двинулся? Река-то вон, рядом.

– Верно. Только какая польза от учебы, если силёнка не истрачена? Вот когда по снегу рыхлому пошагал, и ноги не держат уже, самое время лёд почувствовать.

Нахаб кивнул, мол, ты прав, но не томи, рассказывай дальше.

– Учил, как след путать, чтобы не сразу враг понял, в какую сторону идешь. Я – первый. Синеокая недалече, в три копы. Вдруг она вскрикнула и – за меч, а из-под ног, прямо из снега, – лесной. На миг я опоздал. Если по правую руку, то успел бы. Видно, стар стал, нет резвости былой. – Понизив голос, склонив седую голову, винился Стожар. – Синеоку жалко. Сметливая она, не каждый парень перед ней устоит.

Услышав вторую за сегодняшний день похвалу, Нахаб с гордостью подумал: «Молодец дочь!», но тут же опечалился: «Была молодец», затем спросил:

– Дальше что? Сколько лесных?

– Один. Я ребят отправил в городище, а сам остался. Всё облазил. Ничего не нашёл. Потом родичи подросли. Ни следа, ни какой приметы. Пусто. Думаю, лесной пролежал в укрытии дня три. Сначала не один, – в одиночку они в мороз не ходят. Как метель третьего дня началась, второй, присыпав товарища, ушел, а этот остался. Думаю, так. Иначе, как он так хитро схоронился, что я не заметил?!

«Синеокая углядела, промолчать не утерпела. Выдержка не та. Молодая еще, да и девка, к тому же. Схитрила, живой осталась бы. Лесному что? Деваться некуда. Чем одному гибнуть, лучше за собой северянку прихватить. Ах, Синеокая, Синеокая. Была девка, а замужней не стала». – В который раз уже повторял Нахаб про себя проклятие Чернобога. Хотелось ему прокричать эти слова во всю мощь, что есть. Может, так полегчает на сердце. Нельзя. Северяне вокруг, и ждут его решения.

– Ладно, Стожар, – наконец сказал он, – ступай. Совет решит с тобой. – И, отведя взгляд в сторону, добавил, – Я на тебя зла не держу.

Но Стожар не уходил. Он чего-то ждал.

– Что еще? – Нахаб знал, почему никто не покидает двор, но опережать события не спешил. Одно дело неведение и на-

дежда, он и сам не верил в беду с Синеокой, другое дело – сказать во всеуслышание и словно вынести собственной дочери приговор.

– Как Синеокая? – За всех поинтересовался Стожар, и Нахаб увидел неподдельную боль в его глазах.

– Плоха.

Стожар, согнувшись под тяжестью вины, пошёл прочь. Нахаб, проводив его взглядом, обратился к кровному брату Гормину.

– Собирай стариков. Не нравится мне этот дозор. Как бы большой беды не было. Старших родов тоже кликни, про Стожара не забудь, – и чтобы пресечь лишние разговоры и сомнения в том, виновен он или нет в смерти Синеокой, сказал, – мудрее Стожара в воинском деле нет, и вернее глаза тоже.

Лесной люд

С севера, откуда летят снежные метели, неся с собой мороз, край северянской земли обступает дремучий неизведанный лес. И, если с юга северян допекают степняки, то из чащоб лесных им угрожают дикие племена. Северяне их называют лесными. Обладают они недюжинной силой, ловкостью и смелостью. Выследить трудно, пленить невозможно, — неволе они предпочитают смерть. Закутанные в звериные шкуры, обросшие так, что не видно ни глаз, ни губ, лесные нападают стремительно и быстро скрываются в лесу, словно растворяясь. Никакая погоня, никакая засада им не страшна, ничто не может застать их врасплох. Чуткие уши, зоркие глаза и чутье, как у зверя, дают возможность почти безнаказанно нападать на северянские селения.

Было время, когда лесные, боясь раздолья и открытой местности, нападали на северян только в лесу или около. Но с каждым годом смелели, а познав вкус гречневой лепешки и красоту женских украшений, стали нападать и на сами городища. Грабили, уводили скот, убивали. Не трогали только беременных. Копьё или меч занесёт, как зверь, втянет в себя воздух, издаст утробный крик, и никакого урона не причинит. И так, если северянке скоро рожать и если только-только зачала. Как они чуяли? Особый нюх, видно, у них на дитё в утробе материнской.

Еще давно на общем совете кто-то предложил вдоль всего леса, как на юге вдоль степи, возвести пограничные городища, тем самым обезопасив себя от лесных. Но с юга идёт целое войско, здесь же – малое число дикарей словно из земли вырастает, мгновенный удар наносят и скрываются в лесу.

На совете решили: строй не строй городища, а полностью защититься от лесных вряд ли удастся. Они, как стая голодных волков, сегодня около одного городища рыщут, завтра в другом месте от их рук воины гибнут. Поэтому каждое поселение от лесных должно защищаться само.

Боярское городище, ближе всего расположенное к северному лесу, чаще других подпадало под угрозу дикого народа. Но мудрость гласит: узнай врага, и он не будет тебе страшен. Так северяне и сделали. За многие годы подноровились к опасному соседству, научились понимать их язык, узнали о житейском укладе и обычаях. Не всё, конечно, больно скрытный народ, но приобретенных знаний вполне хватало, чтобы нести наименьшие потери от набегов.

Живут лесные в ямах-землянках, утепленных хворостом и травой, сверху на толстые сучья насыпают земли. Так и живут, как медведи в берлоге. Не сеют, не пахут. Питаются мясом, нередко сырым, травами, орехами и кореньями. Что такое семья, не ведают. Женщин меняют каждый год по весне. Можешь прокормить две или три – твоё дело, дети всё одно общие.

Во главе племени – началоводец²⁰. Он правит, ему подчиняются. Стать началоводцем непросто. Лесной, решивший замахнуться на важное место, должен доказать соплеменникам, что достоин быть главным над ними. Первое – бросить к ногам сородичей тушу кабана. Этот зверь пострашнее медведя-шатуна, и завалить его не каждый может по строго определенному ритуалу. Сначала надобно меткой стрелой в глаз попасть. Да так, чтобы только чуть ранить. Трудно, но многие лесные на такое способны. От боли, пуще от страха, что вокруг темнеет, кабан начнёт метаться по лесу, и тут главное – не упустить зверя, не потерять след. Идти шаг в шаг, чтобы не учуял кабан человеческого запаха. Зверь умён и хищен, забыв о боли и слепоте, способен подобраться незаметно, – тогда лесному не спастись. Когда кабан ослабнет от потери крови, изловчиться и взгромоздиться на звериный загрибок. Не рассчитал, и конец. Затопчет, клыками разорвет на куски. Удержался – хорошо, но для вождя маловато. Требуется убить зверя одним ударом. Два следа от ножа на шкуре кабана для соплеменников – не показатель ловкости, и не быть лесному вождём. Зверь у ног лежит, до жилища путь не близок, и шкура кабана должна быть без изъянов. Лесной, если хочет, тушу на себе тащит или какую повозку из веток соорудит, – это как получится. Шкура чистая и целехонькая – ещё одно условие восхождения лесного на трон началоводца.

²⁰ *Началоводец* – вождь.

Повезло. Исполнил лесной требования богов и племени. С честью прошёл первое испытание. Второе предстоит.

Без отдыха, как пришел, воды только можно попить, должен вызвать старого началоводца на смертную схватку. Тут тоже одно дано – победить или умереть. Бой может быть быстрым, иной раз и долго длится. Как повезёт. Но если победил – ты главный. Тебе – почёт и преклонение, лучшая еда, лучшая шкура и женщина.

* * *

Сколько помнил себя Нахаб, лесные, как привязчивая зубная боль, не давали покоя северянам, и ничего с этим поделать было нельзя.

Только под утро закончился общий боярский совет. Всё обговорили и по каждому разбирательству решение вынесли. Сначала отчитался Стожар. Старики, недолго думая, на просчёт указали и дали в помощники Суржа.

Не стоит на месте время, постарел Сурж. Трудно ему ратное ремесло нести, но послужить народу еще по силам. Ловок, хитер, много воинских тонкостей ему ведомо. Пусть помогает детишек обучать и перенимает у Стожара, чего не знает. Когда Стожар немощным станет, будет Сурж ему хорошей заменой.

Лесных обговаривали долго. Вспоминали, как в старину от них спасались, какими сейчас премудростями владеют, и

что нового можно придумать. Но, главное, всех беспокоило, что на дворе еще зима, и никогда ранее лесные в это время из своего леса не выходили.

Не обошли обсуждением и слухи, давно будоражащие северяян, мол, кто-то из местных стал знаться с лесными. Сначала, вроде ветерка, подул окаянный, и здесь же забыли о нём. Потом слухи крепость стали набирать. Угнали двух кобыл. Такое часто случается, но кобыл этих, низкорослых, выносливых, особенно берегли. Выменяли их на немалое число кулей гречихи, меда, полотна в полный рост человека. Цена большая, но кобылы этого стоят. Охраняли день и ночь, пасли поближе к городищу. Вдруг словно сквозь землю провалились. Были, и нет. Искали несколько дней, не нашли.

Лишь один паренёк несмышленный сказывал, что коршун высматривал добычу, а он высматривал его: «Хотелось посмотреть, как хищник камнем падёт с неба на землю и взметнётся назад с добычей в когтях. Не уследил, шум отвлёк. По полю двух лошадей вроде как медведь гнал. Разве может быть такое?» – удивлялся сорванец. – «Конечно, нет. Разве медведь разумный? Долго на небо смотрел, вот и привиделось. А шум? Показалось», – убеждённо поведал несмышленный паренек.

Лесные, – решили старцы. Но как вывели, что именно эти кобылки без больших трудностей по лесным тропинкам ходить приучены? В крови у них это, и потомство такое же будет. Случайность? Может, подсказал кто.

Другой случай был. В соседней весе северянки полотен для рубах из льна наткали и для крепости стали вымачивать в специальном, знахаркой приготовленном отваре. Эти бес-тии хитрость любят. Какие травы и корни в отвар положить и сколько времени держать, чтобы полотно прочным было, при себе держат, никому не рассказывают.

В прошлом году знахарка Кривоzubая особый приказ вы-несла из-за того, что семена долго не всходили, и дождя ма-ло было, – полотно намочить, вынуть, просушить, в лохань опять положить, подержать и опять сушить. Повторять до пяти раз. Северянки, как им наказали, так и сделали. В по-следний раз полотно намочили, разложили сушить на поля-не и пошли отдохнуть в тенёк. Вернулись, а полотна нет.

Искали-искали, а полотно, словно птица, упорхнуло. Только на опушке в траве отыскался кусок дерева с ладонь. С первого взгляда – простая дощечка, но на ней – выжженный рисунок. Знали северяне, что такую дощечку, отца подарок, каждый лесной при себе носит. По ней, если надобность слу-чится, признает лесной в сородиче своего сына. Дети же у них общие. Мать молоком, конечно, вскормит, но едва дите на ноги встанет, вправе само решать, в каком шалаше спать, у какого костра греться. Когда время придёт женой обзаво-диться, он либо соорудит себе свой шалаш, либо отнимет у того, кто послабей.

Как дощечку нашли, сомневаться перестали, – лесные по-лотно утащили. Такое бывало и раньше. Но как они догада-

лись, что полотно готово? Без подсказки явно не обошлось.

Еще несколько случаев у северян в подозрении было. Неспроста приключились. Опасно это для всего северянско-го народа. Если сговорится гнилой плод, появившийся среди них, с лесными и укажет, где дозоры выставлены, где уязвимое место в обороне городища, беды не миновать.

«Может, тот лесной, что ранил Синеокую, шёл на встречу с изменником?», – такая догадка сама собой родилась на совете. Старцы еще больше заволновались.

Совет длился долго. Нахаб, не вдаваясь в подробности, передал разговор с Гуснаром. Старцы одобрили его, Баровит был недоволен. За одним делом послал, а он вон как вывернул. Прилюдно не стал внуку выговаривать, на потом отложил.

Решил совет еще раз проверить подступы к городищу, усилить ночные дозоры. В лес в одиночку без нужды не хаживать, только отрядом. Договорились послать гонцов во все поселения с вестью: собрать общий круг и сообща договориться, как теперь обороняться от лесных. Про изменника ничего не решили.

* * *

Пока шёл совет, Кривоzubая билась с Чернобогом за жизнь Синеокой. Несколько раз опускались у знахарки руки. Всё, вроде бы последний вздох у северянки, но следовал

еще вдох, за ним – другой. Молодое крепкое тело Синеокой не хотело умирать, с яростью сражаясь с недугом. Когда поблекли звезды, позвала Кривозубая мать Синеокой.

– Эй, Ласлава, поди сюда.

Ласлава – высокая северянка с голубыми глазами, от неё у Синеокой такие выразительные, под стать небесной синеве, очи, всю ночь простояла под дверью. Услышав зов знахарки, вздрогнула всем телом и, готовая к самому худшему, боязливо вошла в горенку. Посмотреть на дочь сил не хватило, сердце рвалось от тоски. Сколько горя выпало на её долю! Сына и дочь хворь унесла, теперь Синеокая, и это, не считая трёх младенцев, не успевших на ноги встать.

– Не печалься, мать. – Кривозубая, не знавшая материнства, женским чутьем уловила, каково Лаславе. – Чернобог сегодня ни с чем остался.

Смысл сказанных слов не сразу дошел до Лаславы. Она тупо посмотрела на ведунью и пересохшими губами выдавила из себя:

– Слова твои не понятны мне.

– Вот, какая глупая, – Кривозубая, ожидавшая благодарности, больше преклонения за ее способности, рассердилась. – Говорю тебе – жить твоя дочь будет. Жар спал. Дыхание ровное. Ничего, девка молодая – вытянет.

Только сейчас знахарка почувствовала усталость, и такую, что не только тяжело было стоять, но и говорить неважно. Она медленно опустилась на лавку. Ласлава, подбежав к ней,

упала на колени и стала целовать ей руки. Знахарка не сразу оттолкнула северянку, потешила своё самолюбие, затем, убрав руки, малосильно сказала:

– Будет, будет. Не полагается северянке знатного рода передо мной на коленях стоять.

Ласлава, улыбаясь сквозь слезы, застилавшие глаза, зашепила:

– Что ты? Что ты? Ты мне дочь спасла. – Говорила и поднималась с колен Ласлава, испытывая неловкость от своего необдуманного поступка. Права знахарка, – не подобает ей так себя вести. Но для материнской благодарности знатность не важна. – До смертного часа тебе обязана. Чего хочешь, проси, всё исполню.

– Что просить-то? – задумалась Кривозубая. – У меня вроде всё есть. Ладно мне кланяться, на дочь взгляни.

Ласлава, желая этого больше всего, в то же время боялась смотреть на Синеокую. Лучше ей самой живьём гореть, чем знать, как страдает доченька, лучше медведь её бы саму в ключья изодрал, чем изувечили, истерзали ее кровинушку. Она боялась даже прикоснуться к ней, лишь, прижав к груди руки и покачиваясь, безотрывно смотрела на осунувшееся, бледное лицо дочери. Она могла так стоять долго, но Кривозубой такое бездействие быстро надоело, она встала, подошла к больной, пощупала лоб, послушала дыхание и обратилась к Лаславе.

– Ладно убиваться тебе. Дева жива. Только okazия такая

выходит. – Ведунья задумалась, сказывать матери или Нахабу сначала передать. – Проклятие от Чернобога в силе осталось.

Ласлава встрепелась.

– Как осталось?..

– Не быть Синеокой замужней.

– Ты что говоришь, старуха?! – Ласлава угрожающе шагнула к знахарке.

– Вот твоя благодарность какая? Быстро ты свои слова забываешь. – Теперь уже Кривоzubая наступала на северянку.

Ласлава сникла и низко поклонилась знахарке.

– Виновата я, прости, – попросила она.

Знахарка, понимая, что Ласлава это не со зла, а от горя, нахлынувшего на нее, снисходительно ответила.

– Кто б другой был... – Кривоzubая, сжав маленький кулак, погрозила им. – Ты, я знаю, добрая, и имя у тебя такое. Под стать нраву.

– Разъясни мне, Кривоzubая, слова свои, – опять попросила Ласлава.

– Ты сама взгляни и раскинь мыслями. Видишь, где рана?

Ласлава знала, что лесной ранил дочь в грудь, и, если бы меч не прошел вскользь (видно, Синеокая в последний миг отпрянула от нападающего, да еще женская грудь не встала на пути наконечника), её бы уже не было. Но почему дочь не сможет расплести косы, стать женой, а значит, и родить дите, не понимала.

– В разум не возьму. Разъясни мне, глупой. – Ласлава дотронулась до руки дочери, решила, взяла ее ладонь в свою и стала ждать ответа.

– Что говорить-то? Кому нужна замужняя такая?.. Кому захочется ласкать изувеченную, с одной грудью? – Словно раздумывая, говорила знахарка. – Грудь меч сдержать сдержала, а сама не уцелела. Одни клочья. Я еще постаралась. Куски, какие висели, обрезала. Кровь там несильно бежит, а вот гнильё вмиг возьмется и не уследишь. Вот так. Ну, ничего. Я её к себе возьму.

– Как к себе? Зачем?

– Она смекалистая. Не беда, что поздно.

– Что поздно? – перед глазами Лаславы потемнело. Она ртом ловила воздух, но его все одно не хватало.

– Совсем ты глупая, как гляну. У нас принято дитя сизмальства учить. Дело у нас ой, какое сложное! Ну, ничего, девка разумная и рассудительная. Гульба ей теперь ни к чему. Наверстает с моей помощью.

Только сейчас до Лаславы стало доходить, какую затею припасла знахарка для её кровинушки.

– Ты собираешься ее колдовству учить? Себе в помощницы взять?

– Наконец-то сообразила. Я уже немолодая, давно собиралась какое дите взять. Нянчиться не хотела, а тут готовое добро. На ноги поставлю и примусь. Я давно заметила, – она хоть и девка, но в воинском деле не хуже погодок муже-

ского рода. И, знаешь, чем брала? Не силой, не ловкостью, — смекалкой одной. Смекалистая она. Такая мне и нужна.

Ласлава хотела было крикнуть Кривозубой в лицо: «Не бывать этому! Она — боярского рода, а не колдунья какая-то!», но спесь свою спрятала. Пусть на ноги поставит, а там посмотрим.

* * *

Новость, что Синеокая жива, облетела поселение быстро. В боярском дворе стал собираться народ. Кто-то хотел узнать о девушке, кто-то желал выказать уважение Нахабу, многих интересовала Кривозубая. Лишний раз поклониться и высказать похвальную речь знахарке не помешает: от падежа скота, может, убережет или за урожай гречихи похлопочет.

Вскоре весь двор заполнился северянами. Рядом с порогом стояли подруги Лаславы. Они её беду приняли как свою и теперь пришли порадоваться удачному исходу. Были и друзья Нахаба. Ежели против врагов идут одной стеной, то вместе должны и кубок меда распить за здоровье Синеокой. Про северян из боярского рода и говорить нечего. Младшую дочь Нахаба они любили, многие ещё вчера отнесли дары богам, просили вступить за северянку, другие с утра побывали у богов. Пришли друзья и подружки Синеокой. Они держались кучкой, вели себя тихо, — не пристало при старших шуметь.

Когда Нахаб в окружении близких вышел во двор, северяне зашумели, посыпались вопросы. Он, подняв руку, внимательно осмотрел всех и приметил, кто пришел, — он запомнит это, но и не забудет, кто в трудную минуту не встал с ним рядом и не поддержал его. Затем низко, до самой земли, поклонился, за ним поклонились вышедшие с ним родичи.

— Благодарствуйте, люди, что приняли мою боль как свою. Благодарствуйте, — и низкий поклон последовал вновь, — что и радость мою пришли разделить. У Синеокой жар спал, Кривозубая обещалась поставить ее на ноги.

После этих слов северяне одобрительно зашумели, но через миг стало тихо. Из дома вышла Кривозубая.

Ныне она — главней всех, ныне в честь неё будут петь песни и пить мед. Знахарка, не скрывая своего превосходства, свысока смотрела на северян. Ее обезображенное лицо, к которому привыкли и уже не пугались, освещалось ликующими глазами. Она, с малолетства привыкшая быть всегда незаметной, не на виду, сегодня позабыла о своей уродливо рассеченной верхней губе.

При её рождении то ли природа, то ли Чернобог шутку какую сыграл с младенцем, но травница, принимавшая роды, при виде народившейся вздрогнула. Не приходилось с таким сталкиваться. Слышать слышала от других, что может младенец разный родиться, но чтобы лицо здоровенькой горластой девочки было так обезображено, не ведала. Точно Чернобог постарался. Развел верхнюю губу на две части и под-

нял к носу так, что рот не закрывался. Мать девочки, как увидела, что произвела на свет, так в слезах и зашлась. Какой позор! Что делать?! Когда первые слезы и охи улеглись, порешили отдать её знахарке. От вида безобразного дали и имя соответствующее.

Так стала она выученицей знахарки, сейчас же пришло время и самой обучить тонкостям своего ремесла толковую северянку.

Насладившись тем, что все, как один, склонили перед ней головы, Кривозубая обратилась к Нахабу:

– Синеокою лечение ждет долгое, и когда немощь может повернуться, знают только боги. Крови много потеряла, и рана затейливая. Уход требуется особый.

– В том ты, Кривозубая, можешь не сомневаться, – перебил ее Нахаб, но знахарка, резко вскинув руку, словно грозя ему, продолжила.

– Надобно перенести её ко мне. Там пригляд будет лучше. Чернобог недалеко ушел, может опять за ней пожаловать, а так я всегда буду рядом и вовремя, если потребуется, на защиту встану.

Ласлава из-за спин родственников, словно птица, метнулась к Нахабу. Упала перед ним на колени, руками обхватила ноги:

– Не отдай дочь знахарке, не отдай! – потом, вероятно осознав, что ее унижение может только подтолкнуть Нахаба к скорому и неверному решению, начала медленно поднимать-

ся, пряча лицо в ладони.

Народ зароптал, происходило что-то невиданное. Чтобы северянка, да еще боярского рода, прилюдно такие поступки совершала... Удивительное дело.

Нахаб тоже не понимал, что происходит. С чего это Ласлава бросилась ему под ноги, почему стала просить непонятно чего. Неужели она хочет, чтобы Синеокая умерла без помощи знахарки?

Лишь один Баровит всё понял. Прожитые годы дали мудрость и знания. Старик тут же вник в мысли знахарки-злодейки. Откажешь – не будет лечить Синеокую. Отдашь в руки – всё. Больше не будет у Нахаба дочери. Хорошую шутку Чернобог затеял! С какой стороны ни подойдешь, злодейство его исполнится.

– Скажи своей жене, Нахаб, пусть уйдет с глаз. – Баровит хоть и был глубоким стариком, но в трудные минуты вполне еще мог, собрав силы в кулак, постоять за род. Перед северянами вновь – храбрый воин, и не страшна ему ни стрела, ни копье, ни десяток степняков. Звонко, почти молодо, звучал его голос, зорко, почти по-юношески, блестели глаза, и спина, забыв о старых ранах, гнулась скоро. Он низко поклонился сначала сородичам, затем знахарке.

– Простите, люди северянские, и ты, умнейшая из всех нас. Совсем Ласлава очумела от горя. Понятное дело, как матери такое перенести? Дочь почти вступила на Калинов мост. – Он многозначительно помолчал, потом, повернув-

шись к знахарке, поклонился. – Благодаря тебе, уважаемая, – он вновь поклонился почти до самой земли, – в материнском сердце надежда ожила. Как такое выдержать матери? Все вы знаете, – теперь он обращался к людям и искал у них поддержки, – какая у нее судьба нелегкая. Какое горе ей выпало в прошлом году, вы знаете. Двух детей в одно время потерять, – какое материнское сердце выдержит? – Он немного выждал, из-под бровей наблюдая за молча стоявшими северянами. И лишь когда увидел несколько утвердительных кивков и услышал несколько согласительных возгласов, продолжил. – Прости, Кривоzubая, мать неразумную. Дай ей побыть рядом с дитем несколько денечков. Пусть успокоится сердцем.

Кривоzubая возмущенно закачала головой, приподняла руки, видно, что-то хотела сказать, но хитрый старик не дал ей этого.

– Не откажи, пусть Синеокая побудет несколько дней рядом с матерью, ты же – рядом с ними. Сей же час все из нашего рода уйдут из избы. Всё оставят тебе, распоряжайся, как сама желаешь.

Кривоzubая смекнула: если не удастся перетянуть северян на свою сторону, не видать ей Синеокой.

– Скажи, люд, разве я вам не помогаю? Разве не я лечу ваших детей, или, может, кто-то другой раны ваши отварами очищает от гнилости? Может, в прошлом году не я предупредила о жаре небывалой? В других городищах что было?

Забыли?

– Не забыли. Помним. Ты всегда нам помогаешь. Мы тебе многим обязаны, – почти хором поспешно ответили ей северяне.

– Разве когда обманула? Слово не сдержала? Обещала, а не выполнила? – получив в ответ дружную поддержку, Кривоzubая посмотрела на Баровита. – Здесь не смогу девке помочь. Нужно нести ко мне, на болота, а если Ласлава хочет быть рядом с дочерью, пусть идет вместе с нами.

Лучше бы ведунья этого не говорила. Разве северянка откажется на знахаркин остров пойти и, тем более, побывать в её доме? Даже если б и не жила Кривоzubая на болотах, и северяне знали к ней тропы, все одно никто и никогда не откажется близко подойти к ее владениям. Когда беда случается, и то бьют деревянной колотушкой в специальный круг, что привешен на березе около болота, так вызывая знахарку.

– Нет, Кривоzubая, так не получится. – Не уступал Баровит. – Ты пойми материнское сердце. Прими наш поклон.

Нахаб, до этого момента молчавший и о чем-то сосредоточенно думавший, встал рядом с Баровитом и низко, как и минуту назад дед, поклонился знахарке.

– Побудь, Кривоzubая, в моём доме. Спаси дочь. Пока рядом с Синеокой будешь, каждое твоё пожелание для меня приказ. Что хочешь, ешь, что хочешь, пей. Нужна одежда какая – бери. Всё исполню, что ни пожелаешь.

– В еде не нуждаюсь, своё имеется. – Кривоzubая уже по-

нимала, что от такого предложения отказываться нельзя. Народ не поймет. Да и кривила она сердцем – хотелось и поесть всласть, и напиться меду в полную меру. И одежда Лаславы ей давно приглянулась, а пуще всего хотелось заполучить лисью шубу, что на Лаславе зимой видела.

– Ну, как?! Принимаешь приглашение? – Баровит был уверен, что знахарка согласится, но решил получить поддержку и у народа. – Родичи, попросите Кривозубую погостить у нас. Пусть Синеокая дома будет, рядом с матерью и другими родичами.

– Соглашайся. Уступи матери. Когда мать рядом, всегда лучше. И тебе полегче будет. Мать тебе поможет. В доме Нахаба тебя никто не обидит. Поживи по-боярски. – Стали просить северяне знахарку.

Кривозубая, скрипя зубами, бросила:

– Хорошо, побуду пока, – и скрылась в избе.

Выгодная дружба

Несчастье с дочерью Нахаба всколыхнуло всех северян. Жалко боярский род, да и собственная безопасность волновала. Везде усилили дозоры, по распоряжению старцев без срочной необходимости северянки не могли покидать городища и веси. Воины в одиночестве в путь не трогались, даже если необходимость была дойти до ближайшего поселения.

Гуснар от общих тревог в стороне тоже не остался. Но о Синеокой не думал. Какая разница, перейдет она Смородину-речку или нет, – ему и своих детей было не жалко. Тревожило, что ранен лесной, и подступы к селениям еще старательней охраняются и проверяются. И, кто его знает, может, тот лесной к нему шел. Может, надоело Уру, начальоводцу лесного люда, ждать весточки, – решил сам наведаться.

Гуснар знался с Уром несколько лет. Родичи считали, что он богатеть начал с приходом в дом рабов. Оно, конечно, так. Поход знатный вышел, степняки для хозяйства – опора хорошая, да только и их кормить требуется, к тому же, одежда, пусть и ношенная, но полагается. По закону северян невольник считался почти членом семейства. При таком неразумном порядке сильно не разбогатеешь.

С другой стороны, род Гуснара начал прирастать добром. Пять лет назад по осени Гуснар с родичами на охоту собрался. От поселения ушли далеко. Гуснар приметил большую

пушистую белку, резво перепрыгивающую с ёлки на ёлку. Шапка у Гуснара сносилась, мех местами вылез, – стыдно перед людьми в такой показаться. Это и заставило его бросить товарищей.

«Пусть кабана выслеживают, – раскинул он умом, – я пока шапку припасу».

Белка – зверёк шустрый. С ветки на ветку скок, скок, бывает, и остановится, мордочкой покрутит в разные стороны, лапками быстро-быстро переберёт и опять – с ветки на ветку. Иной раз Гуснар и хвоста пушистого не видел, но охотничье чутье точно указывало, в каком направлении белка скачет. Давно Гуснар мог оглашенного зверька подстрелить, но хотелось попасть прямо в глаз. Из шкуры без всякого изъяна шапка знатная получится.

Чуть в стороне хрустнула ветка. Гуснар резко обернулся, прислушался. «Вроде никого. Ветер или Леший безобразит».

Отвлёкся на миг, а белка как сквозь землю провалилась. Куда скрылась его новая шапка, Гуснар так и не понял. Раздосадованный, решил возвращаться к родичам.

Лес, известно, много опасностей для человека готовит. Не ожидаешь беды, а она рядом бродит. Уверенно идет Гуснар, – под ногами-то земля твердая, но как будто оступился, и неведомая сила потянула к себе. Одна нога провалилась в трясину. Перед другой ногой земля словно расступилась.

«Яма Кикиморы²¹!» – догадался северянин.

Есть в лесу скрытые места, попадёшь – в живых не останешься. Кикимора, сестра лесного бога Лешего, своё дело хорошо знает. Мелькнёт в чаще поляна круглая, словно ночное светило в полной своей красе, трава ровная – без единого цветочка, как косой выкошена, и деревья вокруг не колышутся, листочки – как неживые, – ошибки нет, Кикимора созорничала. Как Гуснар проглядел опасность? Знал приметы, а угодил.

«Всё. Конец», – обреченно подумал он.

Невиданная сила тянула его за ноги под землю и, чем яростнее он сопротивлялся и старался вытащить попеременно то одну ногу, то вторую, тем больше увязал в земле. В поисках хоть какой-нибудь поддержки, он хотел было ухватиться за ветку в двух шагах от него, но дотянуться не мог. Вековые деревья и молодая поросль и кусты по велению Кикиморы прятали руки-ветки от северянина.

Незаметно Гуснар увяз по пояс и уже не сомневался, что вскоре придётся перейти Калинов мост. Пора помолиться и достойно принять смерть. Но тут за рядами деревьев мелькнула тень.

«Зверь. Учужал, вот и пожаловал. Волк вроде или, может, рысь. Лучше у Кикиморы в гостях жизнь закончить, чем еще

²¹ *Кикимора* – восточнославянский женский мифологический персонаж, обитающий в жилище человека, приносящий вред, ущерб и мелкие неприятности хозяйству и людям.

живого зверь драть начнет», – спокойно подумал Гуснар и перестал сопротивляться.

Но, видно, Кикимора не натешилась. Северянин почувствовал под ногами дно болота. Он удивился и начал выбираться из трясины. Когда получилось дотянуться до тонкого ствола березы, появилась надежда, что выкарабкается.

«Главное, чтобы зверь не напал», – оглядываясь по сторонам, рассуждал Гуснар.

Он начал с большим усердием тянуть на себя березку, она с треском надломилась, и земля вновь превратилась в жижу. Гуснар перестал бороться. Под ногами опять чувствовалась опора. И так несколько раз.

– Вот ты как, – зло выкрикнул Гуснар и из последних сил заработал всем туловищем, от чего он провалился по грудь, и тут почувствовал, как ему в бок уткнулась толстая ветка.

Очередная кикиморовская шутка?

Ветка вновь больно уткнулась в бок, Гуснар обеими руками схватился за нее и начал карабкаться вон из ловушки.

Едва отдышавшись, он осмотрелся, но ничто не выдавало присутствие спасителя. Может, и нет никакого спасителя. Это сестрица Лешего поиграла и сжалилась.

– Кто здесь? Покажись. – Тихо попросил он.

Сзади хрустнула ветка, и он увидел огромного, лохматого, звероподобного великана.

«Человек ли, зверь. Не разберешь сразу». – Он зорко следил за каждым движением незнакомца. Тот стоял смирно.

«Вроде человек. Лесной, верно». – Гуснар встал и низко поклонился лесному чудищу.

– Благодарствую. Спас ты мне жизнь. – Гуснар старался говорить внятно и раздельно, – как знать, может лесной и понимает его речь.

Некоторое время они молча стояли друг против друга, затем лесной подошёл к Гуснару и встал рядом, приложил руку сначала к макушке Гуснара, затем к своему плечу и что-то, как показалось северянину, промычал.

«Ух, окаянный! И тебе мой рост не нравится», – злобно подумал Гуснар, но ни один мускул на его лице не дрогнул. – «Сравнивай, сравнивай, мы ещё поглядим, чья возьмет».

Дальнейшего сопоставления не последовало. Лесной отошел от Гуснара и дружелюбно заулыбался. Гуснар ответил улыбкой и, не таясь, рассмотрел незнакомца. Широкоплечий, почти на две головы выше, огромные руки, могучий полуобнаженный торс буграми выступал из-под короткой рубахи из тонко обработанной кожи. Мускулистые бедра плотно облегали штаны по колено. На ногах до середины икры были натянуты обтягивающие чулки. На бычьей шее висело сплетенное из кожи украшение с мордой медведя.

«Хороша красьба²²», – отметил для себя Гуснар.

Лицо лесного не было ни злобным, ни безобразным. Лицо как лицо: широкие скулы, узкие глаза прятались под густыми бровями. Цвета спелого пшена ниже пояса волосы, сзади

²² *Красьба* – украшение.

перехваченные кожаным ремешком.

«Ничего звериного в нем и нет», – подумал Гуснар и вновь попытался завести с незнакомцем разговор.

– Меня зовут Гуснар. А тебя?

Лесной замотал головой, мол, ничего не понимаю.

– Ме-ня зо-вут Гус-нар. – Разделяя каждое слово на звуки, повторил он, при этом большим пальцем тыкая в грудь. – Гус-нар, Гус-нар, – произнес еще несколько раз.

– Пуш-вал, – лесной закивал головой в подтверждение, что понял.

– Как тебя кличут? Меня зовут Гус-нар, – северянин ударил кулаком себя в грудь, – а тебя? – и рукой дотронулся до груди лесного, который сначала резко шагнул назад, затем заулыбался.

– У-у-у-р-р-р. – Подражая северянину, протянул лесной.

– Ур?

– Ур, Ур! – Закивал лесной.

Что делать дальше, Гуснар не знал. Разговоры вести с новым знакомым вроде бы не об чем, а развернуться и уйти опасно. Неизвестно, что у лесного на уме. Это он с виду смирный, стоит улыбается, покажешь спину, – так и голова с плеч может покатиться. Приметил Гуснар, что за поясом у Ура припрятано оружие, наподобие северянского копья, только покороче, а наконечник, наоборот, подлиннее.

Тут он вспомнил про пряники. Лазурна предлагала в дорогу гречневые лепешки, он наперекор ей приказал дать ме-

довых пряников, еще и упрекнул, что ему даёт похуже, а сама, как он за порог, начнет уплетать сладенькое, им заработанное кровью и потом. Хотел вдобавок поддать, да не стал, — и так еле ходит.

Гуснар медленно, показывая лесному, что ничего для него опасного он не совершает, снял котомку, достал кулек с духовитыми сладкими пряниками. Их было два. Один протянул Уру. Но лесной не взял. Тогда Гуснар отломил от пряника кусочек, положил в рот и, причмокивая, стал жевать, при этом протягивая оставшуюся часть Уру. Тот осторожно взял пряник, осмотрел со всех сторон, понюхал, по его лицу Гуснар понял, что запах понравился, а затем целиком запихнул в рот.

Активно работая челюстями, Ур скрылся в лесу, вскоре вновь предстал перед Гуснаром и протянул ему убитого зверька, ту самую белку, за которой гнался северянин. Ур жестами показывал, что отдаёт белку, а взамен просит другой пряник. Такой обмен Гуснара вполне устраивал.

Прилаживая трупик зверька к поясу, Гуснар заметил, что Ур не съел пряник. Он сорвал листок и бережно обернул его. — Почему не ешь? — удивился Гуснар.

И вновь ему пришлось жестами объяснять лесному смысл его вопроса. Когда тот догадался, то стал руками в воздухе показывать очертание женщины.

— Жене, что ли, понесешь? — еще больше удивился Гуснар. Ур закивал головой. Гуснару было чудным такое — в лесу

живет подобно зверю, а о жене заботится. Не предложить ли лесному еще какой выгодный обмен? Одежду, оружие? Всё на виду, отдай, – сразу приметят острым взглядом родичи, расспрашивать не станут, что да где, но без издёвки скажут, что не уберёг нужную вещь.

«Рассказать, что с лесным сошёлся? – Лихорадочно думал Гуснар. – Нет. Это каждый тогда за лепешку или пряник шкуру любую получит. Ну, нет. Мне судьба улыбнулась, моя и выгода от того!».

Объяснять, что хочет северянин, долго не пришлось. Ур на удивление оказался сообразительным. Сговорились через два дня встретиться на этом же месте.

Так завязалась у Гуснара и Ура «дружба». Встречались нечасто, два-три раза в год. За пряники и лепешки Гуснар получал тушки белок, лисиц и рыси. Ур учился речи северян, был открытым и нежадным. Гуснар же торговался за каждую лепешку и каждый раз ждал от лесного подвоха.

Расспрашивая Ура о сородичах, он вскоре понял, что лесной люд не такой уж дикий и страшный. Лес допускает до своих тайн сильных и жестоких. Лесным, чтобы выжить, приходилось быть таковыми, и неспроста у них не было постоянных жен. Смертность среди них побольше, чем у северян, – то зверь задерет, то угодишь в яму Кикиморы. В лютые морозы иной раз целыми семьями умирали, или приключалась страшная болезнь: живот сведет, и вскоре горлом пойдет кровь, и всё – нет человека. И чтобы ребенок не остал-

ся без присмотра, воспитывают детей сообща, а чтобы женщины больше рожали, их каждый год ублажает новый муж. Бывает и другое: лесная – в силе ещё, а мужа убили. Зачем же пустой ходить?

«Что ж?! – думал Гуснар. – Я б на такую вольготную жизнь тоже согласился. Каждый год новая. Так всех северянок опробуешь, и за приплод ответа нет. Красота!».

Приметил он, что у Ура ладные портки и рубаха из тонкой кожи, – лесные жёны в деле обработки шкур, видно, мастерицы, захотелось Гуснару в таком же наряде щегольнуть перед северянами. Обдумывал, обдумывал, как исхитриться рубаху и портки примерить, и решил окольными путями пойти.

В укромном месте вырыл землянку, утеплил и устроил хранилище для шкур. Уру предложил обмен: он – шкуру белки, Гуснар ему – гречихи кулёк, – пусть его жена сама лепешки печёт. Как? Он скажет.

Тайник за весну не сильно заполнился, – всё ж из дома не вынесешь. Как снег лёг, поехал в дальнее селение. Родичам словом не обмолвился, куда и зачем. Вернулся с двумя мешками гречихи. Куда крупа вскорости делась, опять ни слова. А спросить никто из родственников так и не решился.

«С головой любое дело можно провернуть!» – думал Гуснар, подсчитывая прибыль от торговли.

Так бы вскоре и натянул тонкокожаные портки на себя, но случилось непредвиденное. Две весны назад Ур стал на-

чаловодцем лесных. Как глава всего племени захотел обмен вести обширный, для всего своего люда. Ему бы выйти из леса и рассказать совету о своей задумке, речь-то уже хорошо знал, но то ли решительности не хватило, то ли понадеялся на Гуснара.

«Только-только начал в люди выбиваться, так на тебе! Что ж получается? Ур сговорится со старцами, им шкуры пойдут, а я с носом останусь?» – кипело всё в Гуснаре.

Пришлось доверчивого вождя, как малое дитя, за нос водить, каждый раз находя отговорки: то началоводец северянский заболел, то уехал. Когда стало вовсе трудно выкручиваться, возьми и скажи, чего и сам не ожидал:

– Глава северянский не хочет с тобой, Ур, встречаться, хоть ты и началоводец целого народа. Ниже чести для него вести переговоры с тобой.

Побледнел Ур, глаза в сторону отвел и так долго стоял, потом твердо сказал:

– Не хочет сам, пусть кого пришлет.

– Уже прислал, – удача в руки Гуснара опять шла. – Вождь поручил мне с тобой переговоры вести.

– Хорошо, – вроде как обрадовался Ур.

Умел бы Гуснар понимать чужие мысли, то остерегся бы на такой обман идти. Ур улыбался, а сам думал: «Дай получить лепешек, пряников, полотна, для жен бус разноцветных, – там посмотрим, у кого честь выше. Обида, что? У неё срока нет, можно и погодить с мстью».

Теперь Гуснар вроде бы от всех северян переговоры вел с лесным. Изворачивался, как мог, и каждый раз, собираясь в лес, словно на Смородину-речку готовился. Боялся Ура, но больше своих: «Если прознают родичи о такой хитрости, не сносить головы». Мог, конечно, и отказаться. Не пойти в назначенное время в тайное место. Лесной где его будет искать? Но жадность кого хочешь съест, – сначала до потрохов, потом и всего целиком.

Ур же предлагал меха, кожи тонкие, – хоть сейчас рубашку шей, взамен же требовал лошадей, оружия, но, главное, зерна и таких странных деревянных приспособлений, в которые зерно засыпаешь, а из них мука потом выходит. От предложенного Гуснар не отказывался, все принимал и, чтобы скрыть своё вероломство, шкуры закапывал десятками. Иной раз плакал, что пропадает добро, но другого выхода не видел. Взамен что-то выполнял, что-то обещался только выполнить. И так он в конце концов увяз, что похлеще ямы Кикиморы будет.

* * *

И вот случилась новая напасть. Лесной оказался рядом с боярским городищем. На третий день, как дошёл слух о его смерти, собрался Гуснар навестить Нахаба. Вроде беспокоился о Синеокой, самому же не терпелось всё выведать и разузнать.

Никто ничего интересного о происшествии не поведал. Ну, был лесной около жилища, Синеокая его заметила, закричала, глупая, — он её и ранил. Потом и самого убили. Зачем так близко подошёл, кого караулил? Кто его знает. Лесные — они ж, как звери дикие, и там, и здесь можно встретить.

Успокоился Гуснар, — не прознали о его тайне.

Только собрался покинуть городище, как от Северного леса, где дозор теперь не спал ни днем, ни ночью, охраняя подступы, прискакал совсем молодой воин Батул, вестник дозора.

«Лесные, лесные на подходе!».

Северянки и дети скрылись во дворах, наглухо закрыв за собой ворота своих хозяйств. Нахаб и другие главы семейств, отдав приказы домочадцам, собрались около главных ворот городища.

Сколько лесных? Начался ли бой? Как оборону держать? Отправлять вестников в другие селения или зажигать сигнальные костры? Вопросов было много и к воину Батулу, принесшему недоброе известие, и к воеводе Бойдану, специально выбранному на общем круге на такой случай.

Бойдан, в боевом деле мастер, особенно был хитер в близком бою. В походе к степнякам воеводой его не выберут. Там требуется размах, решать за сотню северян требуется. Когда же нужна оборона или надобно выгодное место для засады выискать, то лучше Бойдана не найти.

Батул не успел воды вволю испить, как Нахаб, Бойдан и

другие северяне стали расспрашивать его:

– Сказывай, Батул, сколько лесных, далеко ли они?

Батул, запинаясь, стал рассказывать:

– На опушке Крайней дубравы, что пред Северным лесом, заметили двух, – идут, не прячась, в полный рост.

Удивило это северян.

– Что верховод дозора наказал передать?

– Крал, как увидел лесных, приказал в городище скакать, предупредить об опасности. Другим велел, как бездыханным, лежать, чтоб не выдавать себя до поры до времени.

– Почему костров не зажгли? – строго спросил Бойдан.

– Чтобы раньше времени себя не выдать, – сказал взволновано юноша и неуверенно добавил, – наверно, поэтому.

Бойдан сурово посмотрел на Батула.

– Повтори слово в слово наказ верховода.

– Крал сказал, как разберется, что к чему, сигнальный костер подожжет. В бой вступит и держать лесных будет, сколько сил хватит. – Северяне разом посмотрели в сторону Северного леса. Горизонт был чист.

– Что еще?

– Всё.

Ответ Батула не удовлетворил Бойдана. Лесные воины хороши, но и Крал не промах. Он не раз лицом к лицу встречался с лесными и каждый раз выходил победителем. Но удача переменчива, вдруг отвернется, и тогда верховод дозора не успеет подать сигнал. Нужно действовать.

Бойдан привычно, толково раздавал приказы: вестовым – покинуть городище и предупредить другие поселения, кому наблюдать за горизонтом, кому встать у ворот, кому проверить крепость частокола вокруг всего городища. Каждый день укрепления осматривают, но, мало ли, что. Может статься, что лесные дорожку в городище развели и проложили себе тропинку для внезапной атаки, а северяне не заметили.

Прошел час, два. Дыма не было. Неизвестность хуже любой беды. Тревожится Бойдан. И Нахаб обеспокоен. Сегодня в городище он не главенствует, – так уж заведено у северян. Вече дало право Бойдану верховодить в оборонительном деле. Он этим изо дня в день и занимается. Дозоры, укрепления, оповещение, обучение воинов не отступать, – вот его забота.

Нахаб верит Бойдану, раз народ и старцы доверились. Но всё же решил высказать так, чтобы Бойдана не обидеть:

– Вот бы взглянуть, что за частоколом делается, – словно самому себе, сказал Нахаб.

Бойдан тут же дал приказ двум воинам-разведчикам: без лошадей незаметно тронуться в сторону Северного леса. Оглядеться вокруг. Если лесные рядом, один должен вернуться, а другому надлежало спрятаться и посмотреть, сколько их по числу.

Все приказы Бойдана были выполнены. Сигнальный костер всё молчал, и ночь приближалась. Бойдан собрал со-

вет, но сказать северянам друг другу было нечего, оставалось только ждать.

Когда солнце почти скрылось за горизонтом, и сумерки стали приближаться к городищу, дозорный со сторожевой башни донёс: со стороны Северного леса – всадники.

– Числом каким? – поинтересовался Бойдан и поднялся на башню. Остальные северяне рассредоточились строго по тем местам, что не раз занимали при подобных обстоятельствах и тренировках.

К городищу неспешно приближалось три всадника. Одним из конников был верховод дозора Крал.

– Лесные где? – первое, что спросил Бойдан.

Крал в легкой боевой душегрейке, в шапке, сбившейся на лоб так, что глубокого шрама вместо глаза не было видно, разгоряченно жестикулируя, спрыгнул с коня и, махнув рукой в сторону двух незнакомцев, сказал:

– За них всё смятение и приключилось.

– Остальные где?

– Нет более никого.

Северяне с любопытством начали рассматривать неожиданных гостей. Один был высоким, широким в плечах. Кусок шкуры, заменяющей ему шапку, он снял и темно-серыми глазами цепко осматривал каждого северянина. Быстрый взгляд, мощно поднимающаяся от поверхностных быстрых вздохов грудь, напряженные ноги говорили лишь об одном – агрессивность гостя удерживается данными обстоятельством.

ми. Одно неверное слово или движение со стороны северян, и он безрассудно бросится в бой.

Второй был ростом поменьше, узкий в плечах, шапку, как первый, не снял, словно прятал лицо за во все стороны торчащим мехом.

Бойдан двинулся к гостям, намереваясь снять шапку и со второго. Он инстинктивно почувствовал, как первый гость приготовился к прыжку. Сам же был готов встретить нападение незнакомца в любой момент. Еще мгновение, и не избежать схватки, но тут раздался тонкий плач. Это совсем по-детски заплакал щуплый лесной.

– Опять есть просит. Вот проглот какой, – миролюбиво сказал Крал и, видя вопрошающие взгляды северян, пояснил. – Малец у них, всё пищит и пищит.

Тут все заметили, что у щуплого лесного в руках был завернутый в шкуры кулек.

Нахаб, который опять главенствовал в городище, и все это время терпеливо ждавший развязки затенувшегося дела, вышел вперед. Обращаясь к Кралу, нетерпеливо приказал:

– Говори. Да начинай с самого начала, всё в точности, как было. Давай шибче, на дворе ночь, а мы всё в неведении топчемся.

– К полудню заметили в лесу движение. Думали, ко-сой, может, лисица пришла на солнышко погреться. Смотрим, нет – зверь-то будет покрупнее. Медведь, верно. Затихли, ждем. Глянь, – человек. Не прячется, идет в полный

рост, прихрамывает. Прошел немного, постоял, посмотрел туда-сюда, рукой махнул. Видно, позвал кого-то. И, точно, следом вышел еще один. Вот тогда я и послал к вам Батула. Эти идут и идут. Так смело, словно гуляют.

– Что-то Крал ты больно разговорчивый стал, как болтливая северянка. – Нахаб уже не скрывал своего недовольства.

– Сам просил в точности, – спокойно отметил Крал и продолжил, – лесных было двое. Его Усом кличут, жена его и дите. Малое совсем. Больше лесных не было. Проверили.

– Точно? – С недоверием в голосе спросил Нахаб.

Такого Крал стерпеть не смог, хоть Нахаб и более знатен, но и он сам не из простых.

– Не веришь, иди сам проверь. Да только если говорю нету, значит, нету. Всё излазил, – потому так долго в городище не шли.

Нахаб, осознавая, что зря обидел опытного северянина, нагнул голову в знак извинения. Крал принял поклон.

– Речи нашей они не понимают, и я в их языке не больно силен. Понял только, как его зовут. Еще вроде они убежали от их началоводца. Обижал. Вроде её хотел сделать своей женой. Насильно. Вот и побежали. Говорят, за ними погоня была. В лесу скитались, да разве с малым дитем в такой мороз в лесу долго протянешь? Вот к нам и подались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.